

НИКОЛАЙ ПЕРЕСЛЪГИНЪ

ЧАСТЬ II*).

Москва, 27-го мая 1911 г.

Наташа, Ты конечно уже все знаешь отъ Алексѣя. Все произошло совершенно неожиданно. Вчера послѣ музыки, когда Лидія Сергѣевна увела Тебя къ себѣ, мы съ Алексѣемъ остались вдвоемъ въ гостиной.

Я сразу замѣтилъ, что онъ очень взволнованъ и хочетъ что-то сказать мнѣ. Не знаю какъ это случилось, но я самъ спросилъ его въ чемъ дѣло. Онъ на мгновение смутился, но потомъ какъ - то весь выпрямился душой и сказалъ: «Да, Ты правъ, я даже хотѣлъ писать Тебѣ въ Гейдельбергъ. Что - то у насъ не ладно съ Натальей: — все какъ будто бы и хорошо, а все - таки все какъ - то не то; въ чемъ дѣло — никакъ не пойму. Можетъ быть Ты ее лучше знаешь, можетъ быть оно со стороны и виднѣе... Если что чувствуешь, понимаешь... скажи, помоги... Я совершенно запутался...»

Что мнѣ было дѣлать, Наташа? Я помнилъ наше рѣшеніе — Алешѣ откроешь все Ты; помнилъ Твое, такое невѣрное по мнѣ, убѣжденіе, что сказать нужно будетъ только тогда, если твердо рѣшишь что уйдешь; помнилъ и то, что еще вчера утромъ Ты мнѣ говорила, что никогда не рѣшишься уйти. Но помня все это, я въ отвѣтъ на прямой Алешинъ вопросъ, по всей своей совѣсти, не могъ промолчать. Я сказалъ ему, что знаю, почему у Васъ не все благополучно, я сказалъ ему, что Ты любишь меня...

*) «Соврем. Записки», кн. XIV (I).

Наташа, Наташа — надо было видѣть предѣльное изумленіе Алексѣя, чтобы повѣрить тому, чему я все время какъ-то не вѣрилъ: полному отсутствію въ немъ какихъ бы то ни было подозрѣній.

Поблѣднѣвъ какъ полотно и закрывъ лицо обѣими ладонями, онъ большими шагами, съ опущенной головой, направился было къ двери, но вдругъ остановился посреди комнаты, повернулся ко мнѣ и съ лицомъ, восторженно просвѣтленнымъ, какого я еще никогда не видѣлъ на немъ, какъ-то безъ голоса произнесъ: «ну, что же... это еще лучшее, что могло случиться со мною... все-таки Ты... Можетъ быть я Тебя люблю больше ея! Бери же ее... бери. Отдамъ, если только воистину любишь... какъ я!..» Онъ подалъ мнѣ руку; я крѣпко пожалъ ее и быстро, боясь встрѣчи съ Тобой и Лидіей Сергѣевной, пробѣжалъ черезъ корридоръ въ переднюю. Алеша самъ громко захлопнулъ за мною дверь...

Теперь, что будетъ дальшѣ Наташа? Я не только предчувствую, я твердо знаю: на высотѣ своего вчерашняго порыва Алешѣ, конечно, не удержаться. Его вчерашній восторгъ завтра же опадетъ отчаяньемъ. Приведетъ ли его это отчаянье къ отказу отъ вчерашняго рѣшенія, я не знаю, но допускать — допускаю вполне. Во всякомъ случаѣ оно вырастетъ, при Твоемъ къ нему отношеніи, въ его величайшую силу, въ цитадель послѣдней борьбы за Тебя. Сказать ему, добровольно отступающему отъ Тебя, гибнущему безъ борьбы, что Ты дѣйствительно меня любишь и уходишь ко мнѣ — Ты, боюсь, не найдешь въ себѣ силы. Вѣдь ужъ сегодня, знаю я, Ты снова чувствуешь себя, какъ никогда, необходимой Алексѣю; вновь и вновь пытаешься ощутить эту безысходную необходимость, какъ любовь, а Твою прекрасную любовь ко мнѣ, какъ грѣхъ, навожденіе, соблазнъ, какъ не Твою судьбу.

Какая ужасная во всемъ этомъ неправда, Наташа. Скажи, неужели же Ты никогда не преодолѣешь ея, неужели же согласишься, что недопѣтymi оборвутся наши возставшія на насъ, безумныя пѣсни?... Неужели же мы разстанемся? Неужели же забудемъ другъ друга? Да, да, Наташа, только не надо

обманываться! (Если разстанемся, то и забудем! Возрастъ нашего вѣка таковъ. Для насъ и въ счастіѣ - то вѣрность подвигъ, въ несчастіѣ же... нѣтъ... нѣтъ...

Добродѣтельно уступить Тебя Алексѣю, а самому, собравъ въ печальную урну раненаго сердца нетлѣнный прахъ своей несостоявшейся любви, прожить всю жизнь «подъ сѣнью гробовой...» нѣтъ Наташа, на это я не способенъ! Моя любовь гораздо больше, чѣмъ только поэзія и мечта о какомъ-то иномъ мірѣ. Она *власть* этого иного, мечтаемаго міра надъ здѣшнимъ, надъ нашимъ. Если я не сломя всѣхъ Твоихъ сомнѣній и не приведу Тебя къ себѣ — я долженъ буду сказать себѣ, что я Тебя никогда не любилъ. Но этого, клянусь, я никогда не скажу!

Наташа, въ моемъ сердцѣ сейчасъ только одна мольба къ Тебѣ. Передъ тѣмъ, какъ обѣщать Алешѣ, что останешься съ нимъ, спроси себя въ послѣдній разъ: въ силахъ ли долгъ замѣнить даръ? Наташа, я знаю какъ Тебѣ сейчасъ невыносимо тяжело. Но я знаю и то, что самообманъ не дастъ ни Тебѣ, ни Алешѣ ни облегченія, ни исхода. Такъ не обманывай же себя и пойми, что изъ долга — дара не выкуешь. Сейчасъ Алексѣю нужно, конечно, только одно, чтобы Ты осталась съ нимъ. На все остальное онъ пока согласится надѣяться. Всякая борьба близорука и живетъ созерцаніемъ видимой цѣли. Но завтра, когда борьба кончится и передъ нимъ встанетъ вопросъ, — во имя чего она велась, — онъ спроситъ Тебя: любишь ли Ты его, счастлива ли съ нимъ, забыла ли меня? Что Ты отвѣтишь ему? Наташа, Ты цѣльная изъ цѣльныхъ, Ты женщина изъ женщинъ, Ты не осилишь передъ лицомъ этихъ сомнѣній цѣльнаго, женскаго «да». Тебѣ придется или упорно молчать, вѣрнѣе отмалчиваться, или многое, слишкомъ многое объяснять. Но и то и другое будетъ въ Тебѣ одинаково ложно, ибо вся Ты прекрасное и короткое «да» — «да» бытію и жизни, «да» счастію и любви!

Наташа, любовь—это праздникъ, а долгъ это—трудъ. Что значитъ трудиться надъ праздникомъ? Не будетъ надъ этимъ трудомъ благословенія. Не принесетъ онъ счастія ни Тебѣ,

ни Алешѣ. Любовь, Наташа, единственна, любовь ни съ чѣмъ не сравнима. Гдѣ ея всей сразу и навсегда нѣтъ, тамъ къ ней никогда не придти: дружба, жалость, жертва, подвигъ — все это совсѣмъ не то, (это все человѣческое благоустройство, и только. Любовь же совсѣмъ иное, любовь жестокой восторгъ, вырывающій возлюбившихъ изъ міра всѣхъ человѣческихъ правдъ и обязанностей и отдающій ихъ души и жизни высотѣ и свободѣ звѣзднаго неба! Не предавай же звѣзды, Наташа!

Твоя вѣрность — преступная вѣрность: она — измѣна любви. Подумай, повѣрь, пойми: любовь гораздо большее, чѣмъ Твое счастье, на которое Ты вольна соглашаться, отъ котораго вольна и отказываться. Передъ ликомъ истины — она нетлѣнная идея, передъ лицомъ Твоей жизни — она Твой единственный долгъ!

Разсылный уже ждетъ въ передней, я не могу больше писать. Я хочу какъ можно скорѣе бросить это письмо на «мою» чашу, колеблющихся сейчасъ у Васъ, на Никитской, вѣсовъ. Прошу Тебя потому только еще объ одномъ. Не рѣшай Алешиную судьбу одною Твоей волей. Призови себѣ въ помощь ту простую, голую правду, которую такъ упорно скрывала все послѣднее время отъ Алексѣя; скажи ему все, что было между нами, и пусть онъ самъ съ открытыми глазами участвуетъ въ рѣшеніи своей судьбы. Скажи ему, что не разъ гсворила мнѣ, что обвинчана съ нимъ волею къ его спасенію и нѣжною лаской, меня же любишь безумьемъ и радостью; скажи ему, какъ, сидя на его письменномъ столѣ у окна, мы оба одинаково бывало не хотѣли, чтобы изъ переулка показалась его фигура и въ передней раздался его звонокъ; скажи, какъ, сидя со мной на диванѣ, Ты соединяла щитомъ Твоихъ ладоней наши лбы, чтобы глаза наши свѣтились другъ другу во мракѣ; скажи о томъ вечерѣ, когда Ты пылала во мнѣ, словно бѣлая церковь въ пожарѣ, когда я впервые услышалъ набатъ въ Твоей крови, а въ алтарѣ Твоего сердца тихое, торжественное пѣніе . . .

Но надо, надо кончать. Каждая минута промедленія сейчасъ для меня «смерти подобна». Вотъ еще только что. Вчера,

прощаясь со мною, Алеша, по моему, еще не зная, что Твои губы и руки — мои. Такою онъ Тебя передъ собою не видѣлъ. Мои слова, что Ты любишь меня, которымъ онъ правда сразу и до конца повѣрилъ, онъ все же принялъ лишь за мое внутреннее знаніе. При Твоемъ безконечномъ вліяніи на него, Ты, быть можетъ, еще и вольна свести мое признаніе почти на нѣтъ. Но Ты вѣдь не сдѣлаешь этого Наташа, вѣдь нѣтъ? Обнимаю, цѣлую Тебя и жду... жду... звонка, письма... А можетъ быть и Тебя? Тебя самое, Тебя всю, Тебя навсегда!

Весь Твой Николай.

Москва, 28-го мая 1911 г.

Наташа, я думаю Ты должна была остаться довольной мною. То, что я общалъ Тебѣ вчера ночью, я выполнилъ, кажется, съ должнымъ усердіемъ и даже мастерствомъ. Въ дѣлѣ Твоего отступничества отъ нашей любви ради Алешинаго спасенія, которое Ты, несмотря на всѣ мои доводы, все же сочла себя обязанной совершить, я былъ Тебѣ сегодня, не правда ли, не только покорнымъ, но и стойкимъ пособникомъ?

Родная, если слова эти дышатъ нѣкоторою себялюбивою горечью, то прости мнѣ ее; но, право же горько, нестерпимо горько было мнѣ сегодня, послѣ этого ужаснаго разговора втроемъ, уйти отъ Тебя навсегда — хотя сердце рѣшительно не вѣрить этому — безъ послѣднихъ пятнадцати минутъ наединѣ, безъ послѣдняго объятія, безъ послѣдняго поцѣлуя!

Согласись, что Алешинъ отказъ мнѣ въ этихъ минутахъ былъ ужасною жестокостью слабости и отчаянья. Да, да, мое вчерашнее предсказаніе сбылось, и сбылось много быстрѣе и круче, чѣмъ я самъ того ожидалъ.

Ахъ Наташа, Наташа, скажи, какая же умная правда въ томъ, что вмѣсто того, чтобы пойти вотъ сейчасъ къ Тебѣ со всѣмъ, что кипитъ на сердцѣ, я долженъ писать это послѣднее письмо, разрѣшенное мнѣ Алексѣемъ въ обмѣнъ на обѣщаніе не видѣться больше съ Тобой? Нѣтъ, нѣтъ, не правда въ этомъ, но ужасная ложь. Но, конечно, все всегда одно къ од-

ному: все безуміе жизни въ томъ, что она такъ отчаянно догична!

Однако, это уже философія. Философствовать же мнѣ сейчасъ право кажется ни къ чему. Философствуя можно писать безъ конца. Безъ конца же писать, когда все уже кончено, не правда ли, это почти глупо, Наташа: сколько ни философствуй, сколько ни пиши, — все равно письмомъ жизни не продлишь, словами судьбы не измѣнишь. Одно мнѣ все же нужно Тебѣ сказать; мнѣ нужно объяснить, почему я, такъ долго борющийся съ Твоимъ нежеланіемъ говорить Алексѣю о нашей любви, вчера ночью, когда Ты позвонила мнѣ, прося во всемъ подчиниться Тебѣ, рѣшила согласиться на Твою просьбу и пойти вмѣстѣ съ Тобою на спасеніе Алексѣя обманомъ.

Наташа, Ты помнишь какъ мы были съ Тобой (это было 17-го марта) на концертѣ въ Маломъ залѣ Благороднаго Собранія? Ты помнишь, какъ во время антракта мы какимъ - то совершенно непонятнымъ образомъ попали на гулкіе хоры Большого зала. Внизу жутко зіяла черная бездна; громадная вблизи люстра тяжело, словно грозя сорваться, повисала надъ самыми нашими головами; вдали глухо шумѣла толпа. На этихъ странныхъ темныхъ хорахъ, мимо насъ впервые совсѣмъ, совсѣмъ близко прошла наша Судьба. Я ее первый увидѣлъ и спросилъ Тебя: «видѣла»? Понявъ съ полуслова, Ты отвѣтила «да» и, словно испугавшись чего - то, взяла меня подъ руку и быстрыми, нервными шагами заторопилась къ выходной двери...

Провожая Тебя домой, я всю дорогу снова говорилъ о томъ, что почти съ самаго моего приѣзда стало главною темой всѣхъ нашихъ разговоровъ, о томъ, что я не понимаю, какъ Ты, съ Твоими глазами, можешь бояться свѣта и правды въ своей жизни, можешь скрывать отъ Алексѣя, что любишь меня. Весь мой натискъ Ты выдержала, какъ всегда, молча и лишь въ послѣднюю минуту, послѣ того какъ мы уже окончательно простились, еще разъ остановила меня и медленно, медленно, какъ - то необыкновенно трудно сказала: «Ахъ Николай, Николай, когда слушаю Тебя, всегда соглашаюсь съ Тобой, но

Ну вотъ самое главное сказано. Теперь еще только одно. Быть можетъ, объ этомъ лучше было бы не говорить, ну да ужъ все равно. Хочется разстаться съ Тобою въ полной прозрачности, ничего не утаить, что болитъ на сердцѣ. Наташа, любимая, пойми меня и прости мой горькій упрекъ Тебѣ. Получивъ отъ меня согласіе во всемъ подчиниться Тебѣ, послѣ того, какъ я уже сказалъ Алексѣю, что Ты любишь меня, Ты должна была, по моему, взять на себя хоть какую - нибудь долю отвѣтственности за мое внезапное признаніе: вѣдь правда его была не моя только правда, но наша. Ты должна была среди всѣхъ отрицаній и умолчаній ужаснаго сегодняшняго утра все же какъ - то сказать Алексѣю, что были въ Тебѣ минуты, когда къ Твоей душѣ подступали волны соблазна и искушенія, безсильныя передъ твердыней Твоей воли и жизни, но все же не окончательно нѣмая передъ настороженнымъ слухомъ какихъ - то Твоихъ тайныхъ ожиданій. О, я понимаю, сдѣлай Ты это, Ты затруднила бы себѣ исцѣленіе Алеши, но Ты создала бы для меня хоть какую - нибудь возможность достойнаго отступленія, и къ горечи нынѣшняго утра не присоединила бы еще и всѣхъ униженій его! Наташа, меня жгутъ эти униженія! Вѣдь если бы Алексѣй, говоря мнѣ сегодня при Тебѣ, что Ты не подтвердила ему, что любишь меня, вѣрилъ бы въ глубинѣ своего сердца только Тебѣ, мое положеніе было бы ужаснымъ, было бы смѣшнымъ. Но къ счастью не все защищало Твою гуманную любовь къ Алексѣю противъ нашей священной любви. За меня была тайная ревность Алексѣя, уже навѣки изароненная мною въ его сердце, его блѣдное, осунувшееся за ночь лицо, его срывающийся на высокихъ нотахъ голосъ, его лѣвая рука, съ неподвижно впившимися въ сердце пальцами и постоянно подергивающимся локтемъ, за меня были чистые кристаллы страданья въ Твоихъ взорахъ и Твоя доверху застегнутая лиловая кофточка ученицы восьмого класса!

Наташа, въ нашихъ взглядахъ на жизнь мы часто измѣняемъ себѣ, своими взглядами мы часто боремся противъ себя; не въ тѣхъ мелочахъ, которыя мы совершаемъ бездумно, почти инстинктивно, мы неизмѣнно вѣрны себѣ. Кончая это письмо,

я съ нѣжнымъ восторгомъ цѣлую Твои милыя руки за то, что безразлично шаря сегодня утромъ въ гардеробѣ, онѣ безсознательно выбрали эту, давно не ношенную Тобою старенькую дѣвичью кофточку. Цѣлую и глаза Твои, такіе сегодня скорбные, такіе во - внутрь сосредоточенные, во - виѣ разсѣянные и испуганные.

Цѣлую всю Тебя и жду къ себѣ. Круглымъ путемъ — но жду. Дай Богъ Тебѣ правды и силы.

Весь Твой Николай.

Москва, 25-го іюня 1911 г.

Наташа, радость моя, вчера встрѣтилъ Лидію Сергѣевну. Отъ нея узналъ, что Ты одна уѣхала «отдохнуть» въ Звенигородскій Монастырь. Мнѣ сразу стало все безповоротно ясно: мѣсяць Твоей работы надъ воссозданіемъ Вашей жизни съ Алексѣемъ кончился тяжелой неудачей. Пристругать другъ къ другу его тайную ревность и Твою тайную мечту Тебѣ не удалось. Послѣдніе дни онѣ все страстиѣе и пытлиѣе, все строже и тише допрашивалъ Тебя, Ты же все невиннѣй и глуше, все краснорѣчивѣе и безпомощнѣе молчала.

Наконецъ, Вамъ стало немоготу другъ съ другомъ, и вотъ, послѣ долгихъ, горькихъ мученій, Ты рѣшила, что Тебѣ необходимо на время остаться одной.

Я счастливъ, что Ты выбрала мѣстомъ Твоего послѣдняго рѣшенія не Лунево, что было бы такъ естественно, такъ какъ Вамъ уже давно пора на дачу, а тихую монастырскую гостиницу, съ видомъ на бѣлыя стѣны и золотой куполь, на нѣжную у стѣнъ мураву, на старыя надъ стѣнами березы . . . Въ этомъ снова сказалась Твоя дружественная мнѣ тоска по своему загубленному дѣвичеству, что въ утро нашей разлуки такъ вдумчиво прикрыла Твои бѣдныя плечики старенькой гимназической кофточкой.

Наташа, родная, повѣрь мнѣ: — не надъ чѣмъ Тебѣ больше думать и нечего Тебѣ больше рѣшать. Сердце Твоего сердца

уже все давно рѣшило за Тебя. Тебѣ еще долго не перестать страдать, но страдая, Тебѣ уже неизбежно итти за Твоей настоящей любовью, итти ко мнѣ, итти за мной!

Наташа, это письмо не безчестность. Правда, я обѣщаль Алексѣю не писать Тебѣ больше одного письма, но обстоятельства, въ которыхъ я далъ свое обѣщаніе, нынѣ уже не тѣ. Сейчасъ, послѣ того, какъ я узналъ, что Ты въ Звенигородѣ, мнѣ до конца ясно, что я не только правъ, что пишу Тебѣ, но больше, что я обязанъ въ ближайшіе же дни увидѣть Тебя. вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Тебѣ, я посылаю письмо и Алешѣ. Я пишу ему, что за истекшій мѣсяцъ убѣдился, что не хочу жить безъ Тебя, что Ты не можешь жить съ нимъ, что онъ не смѣетъ бороться за Тебя, что все это я безповоротно рѣшилъ, а потому сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ, чтобы сломить и Твое вчерашнее рѣшеніе остаться съ нимъ, и Твою сегодняшнюю нерѣшительность стать моею.

Война за Тебя мною объявлена, объявлена и Алексѣю и Тебѣ! Алексѣю и Тебѣ!..

Нѣтъ, нѣтъ, Наташа! Алексѣй и Ты? — Отрицаю! Вы въ чемъ угодно, но только не въ любви. Тебя, быть можетъ, послѣднюю настоящую женщину нашего безлобога времени, Тебя, гораздо больше, чѣмъ только человѣка, Тебя, рѣдчайшее произведеніе искусства: — таинственную сущность и артистически сработанную вещь — превратить въ жену русскаго интеллигента, присяжнаго повѣреннаго и народнаго социалиста, въ жену - друга, въ нравственную поддержку неврастеническаго мужа, въ женщину - человѣка съ идеями и запросами? — Боже, до чего же все это безформенно!

Я знаю и вѣрю, Наташа, что Алексѣй безъ Тебя ни жить, ни дышать не могъ и никогда не сможетъ. Я безусловно преклоняюсь передъ глубиною его большого и сложнаго чувства къ Тебѣ, но назвать это чувство священнымъ именемъ любви — нѣтъ, на это я никогда и ни за что не соглашусь. Вѣчныя Алешины сомнѣнія и вопросы, вся безвольная проблематика его «быть или не быть», его ставка на Тебя, какъ на послѣднюю карту жизни, все это, Наташа, еще не любовь. Все это только

еще встрѣча двухъ сердець на темныхъ перепутьяхъ жизни. Любовь же совсѣмъ, совсѣмъ иное: она не только встрѣча полюбившихъ сердець другъ съ другомъ, но и тайна одновременной встрѣчи каждаго изъ нихъ съ неземнымъ существомъ, съ крылатымъ гениемъ любви. Отсюда ея магія, ея преображающая сила, ея красота; отсюда тотъ ея легкій, никакимъ законамъ земного притяженія неподвластный танецъ душъ, о которомъ Ницше такъ слѣпительно сказалъ: „Ich würde nur an einen Gott glauben, der zu tanzen verstünde“ . . .

Наташа, встрѣчи съ гениемъ любви у Твоего Алеши не было, потому и Ваша встрѣча не была встрѣчею въ любви. Насъ же съ Тобою связываетъ тайна одновременной встрѣчи съ любовью, и потому Тебѣ отъ меня не уйти, какъ не уйти Тебѣ отъ смерти!

Наташа, вотъ уже мѣсяцъ, какъ жду я Тебя, какъ изъ часа въ часть, изъ мгновенья въ мгновенье, изъ вѣчности въ вѣчность, мечтаю о восходѣ Твоего огненнаго сердца надъ сумракомъ моей мечты. О если бы знала Ты, сколько видѣній волнуются сейчасъ у меня въ груди и жаждутъ пасть къ Твоимъ ногамъ, къ подножью Твоихъ взоровъ . . .

Но Ты еще на распутьѣ; если и не въ кельѣ, то все же въ тихой комнатѣ монастырской гостиницы. Алеша печаленъ и скорбенъ: въ немъ крѣпнеть предчувствіе, что любви его не избѣжать великаго пострига. Пусть потому не поднимутся нынѣ со dna души моей крылатыя слова моей страсти, до восторга торжественныя, до злости веселыя, до нѣмоты тихія и умиленныя.

Слушай! — сейчасъ за моими окнами въ объятыхъ знойнаго вѣтра на востокъ сгибаются, на востокъ трепещутъ серебристые тополя. Поверни же навстрѣчу вѣтру Твою голову и услышь /крылья крови моей! Вѣдь я же правъ, что люблю, что хочу Тебя! Развѣ не Твое пылающее сердце обезумѣвшимъ пульсомъ мечется сейчасъ во всемъ моемъ тѣлѣ, развѣ не я одинъ только знаю, какъ должны быть взлелѣяны дни Твои, какъ должна быть воздвигнута жизнь Твоя, какъ должны прозвучать съ высоты ея, Твои утреннія, Твои вечернія зори!

Слушай, слушай, Наташа! Заклинаю Тебя — довольно безумной борьбы. Что ни дѣлай, кому ни молись, намъ другъ отъ друга все равно никуда не уйти, ибо мы другъ другу все: и рожденіе, и жизнь, и смерть! Пойми, въ любви нѣтъ простора для выбирающей воли и мысли. На вершинѣ любви, на двухъ пядяхъ горячей земли ея, мы должны стоять бездумны и радостны, съ руками простертыми къ небу! Мои руки простерты къ Тебѣ. Земля подъ моими стопами горитъ! Приходи же скорѣе — я жду.

Николай.

Москва, 27-го іюня 1911 г.

Наташа, жизнь и страсть моя — вѣ въ комнатѣ, которую Ты покинула всего только нѣсколько часовъ тому назадъ, рукою, еще хранящей память о Твоихъ духахъ, съ головою, кружащеюся отъ сладостнаго вина Твоихъ взоровъ, съ ощущеніемъ хрустала Твоихъ холодѣющихъ устъ у себя на губахъ — что я могу дѣлать, какъ не писать Тебѣ вослѣдъ, что я счастливъ, какъ не былъ еще никогда.

Сегодня утромъ, когда увидѣлъ Тебя въ передней такую блѣдную, такую никлую, такую измученную, когда услышалъ въ отвѣтъ на мой порывъ въ Тебѣ: «не надо, родной, онъ такъ страдаетъ» и поднесъ къ губамъ Твою мертвую руку въ полусдернутой съ нея сѣрой перчаткѣ — могъ ли я думать, что такъ ярко разгорится первый день нашей жизни.

Наташа, я знаю, нѣтъ тѣхъ словъ, что могли бы сказать Тебѣ какъ свѣтло, какъ вознесенно, какъ блаженно сейчасъ у меня на душѣ. Вѣчная боль моей жизни: угнетенность вѣсомостью вещей, брэнностью міра, стыдомъ своей смертности — все это далеко отлетѣло отъ меня. Я себя чувствую бессмертнымъ, огненнымъ духомъ; во мнѣ все ликуетъ и поетъ; все вокругъ меня — и Маша, приходившая за посудой, и тополи за окномъ — рѣветъ, проплываетъ и кружится, словно въ мірѣ нѣтъ больше ни ногъ, ни корней, а есть только крылья. О, я всегда зналъ, всегда я предчувствовалъ, что возможна любовь,

какъ великое преображеніе міра, но лишь сегодня впервые повѣрилъ я, что пророчествамъ моего сердца суждено будетъ сбыться. (Тяготѣющей землѣ женщиной, прелестно смущенной передъ лицомъ страсти за брэннаго чловѣка въ себѣ, поднялъ я Тебя на руки; невѣсомымъ, преображеннымъ существомъ «душою и формой» только, восторженно носилъ я Тебя по комнатамъ.

Нынѣ, Наташа, готовъ я на отчаянный вызовъ всѣмъ мудрствующимъ и молящимся. Нынѣ я знаю: страсть единственный магическій жестъ чловѣчества, въ которомъ доступно ему подлинныхъ вещей обличеніе, единое Царство Божіе, земное и небесное вмѣстѣ . . .

. . . Наташа, всѣмъ разумомъ и всѣмъ безуміемъ моей любви заклинаю Тебя: не откладывай объясненія съ Алексѣемъ. Тѣмъ, что Ты сегодня утромъ, общавъ, что мы не увидимся, все же была у меня, Ты отрѣзала себѣ всѣ пути отступленія. Мы сейчасъ на порогѣ страшныхъ часовъ. Они долѣе неотвратимы. Угроза, такъ безжалостно занесенная измученнымъ Алексѣемъ надъ Твоею головою — ужасна. Сказать Тебѣ, не вѣрь ему и не бойся, я, несмотря на все мое желаніе помочь Тебѣ, конечно, не скажу. Но вотъ, что я хочу сказать Тебѣ: передъ тѣмъ, какъ писать Тебѣ, я, ничего еще не зная о томъ, какъ Алексѣй отпускалъ Тебя въ Звенигородъ, цѣлую ночь рѣшалъ этотъ же чудовищный вопросъ; и для себя я его рѣшилъ. Сейчасъ я готовъ на все, на любыхъ путяхъ жду я Тебя и любимы путями жизни и смерти пойду я къ Тебѣ. А тамъ, пусть будетъ, что будетъ. Да хранитъ Тебя Богъ.

Весь Твой Николай.

P. S. Завтра обязательно пришли мнѣ хотя бы самую кратчайшую записку о томъ, какъ Вы разстались съ Алексѣемъ.

Москва, 29-го іюня 1911 г.

Вчера весь день перечитывалъ присланныя Тобою пять словъ. Весь день ждалъ Твоего звонка, самъ звонить не рѣшался, да и не знаю куда, къ Вамъ ли на квартиру, или къ Лидіи Сер-

гѣвнѣ. Не дождавшись, пошелъ вечеромъ къ Твоей Готѣ, думая узнать отъ нея что - нибудь болѣе подробное. Съ перваго же взгляда на ея блѣдное, усталое, разстроенное лицо, понялъ я, милый, несчастный Ты мой ребенокъ, что все было такъ тяжело, какъ я, замороженный Твоею любовью, несмотря на все, что я зналъ, все же никакъ, никакъ не представлялъ себѣ.

И нужно же было всему случиться такъ, какъ оно случилось. Нужно же было Алексѣю какъ разъ 27-го не попасть къ шести домой, а до поздняго вечера задержаться въ городѣ. Съ семи до двѣнадцати ночи ждала Ты его одна, пока рѣшилась, наконецъ, позвонить Готѣ и попросить, чтобы она пришла къ Тебѣ. Чего, чего, злосчастливая, Ты только не передумала, не почувствовала за эти вѣковѣчные пять часовъ. О, какъ я себѣ все ясно представляю! Сначала Ты какъ каменная стояла у окна съ однимъ только страхомъ въ сердцѣ, какъ бы изъ переулка не показалась фигура Алексѣя; но когда прошелъ часъ, пошелъ другой, а онъ все не шель, въ душѣ рядомъ съ первымъ страхомъ поднялся второй, худшій: — отчего не идетъ, гдѣ можетъ быть, ужъ не случилось ли чего - нибудь страшнаго... Наконецъ, когда стало темно, Ты отошла отъ окна и, забившись въ уголь дивана, вся превратилась въ слухъ, каждую секунду ожидая, что вотъ - вотъ Алешинъ ключъ чуть слышно повернется въ англійскомъ замкѣ. Такъ застала Тебя Готя — въ большомъ платкѣ, въ страшномъ припадкѣ лихорадки: худую, блѣдную, съ громадными горящими глазами.

Какъ Вы встрѣтились съ Алешей, какъ онъ принялъ извѣстіе, что Ты была у меня, окончательно рѣшивъ уже въ Звенигородѣ разстаться съ нимъ, что Вы говорили въ спальнѣ — разговоръ былъ, по ея словамъ, очень не дологъ, — обо всемъ этомъ она ничего не могла мнѣ сказать; да я и не разспрашивалъ.

Но что было въ передней, Наташа? По Готиному отрывочному разсказу, нѣчто непонятно кошмарное. Будто бы Алексѣй выбѣжалъ изъ спальни съ проклятіями на устахъ и, схвативъ съ вѣшалки пальто и шляпу, хотѣлъ выбѣжать на улицу, не простившись съ Тобою. Ты же, бросившись передъ нимъ на

колѣни и обвивъ своими руками его ноги, просила простить и благословить... Наташа, неужели это правда? Неужели правда и то, самое страшное, что передъ тѣмъ, какъ притти въ себя, остановиться и поднять надъ Твоею головою свою крестящую руку, съ тѣмъ изступленнымъ отъ муки и злобы лицомъ, о которомъ Готя не можетъ говорить безъ слезъ, Алексѣй проволочъ Тебя — не рыдающую, а тихую, нѣмую, за своей ногой нѣсколько шаговъ по полу передней!

Нѣтъ, я не могу этому вѣрить! Если же все это правда, то чѣмъ, чѣмъ, какою любовью выжгу я изъ Твоей памяти эти ужасныя, эти безумныя минуты?

Наташа, родная моя, я не знаю, хватитъ ли у меня силъ, послѣ всего, что я вчера узналъ, сдержатъ данное Тебѣ обѣщаніе не увидѣть Тебя еще до отъѣзда. Такъ хочется взять Тебя на руки и укачавъ Твою израненную, измученную душу; молча посидѣть надъ Тобою, послѣ долгихъ бессонныхъ ночей, наконецъ, тихо уснувшей. Да хранить Тебя Богъ. Цѣлую Тебя, мою бѣдную.

Твой Николай.

Москва, 1-го іюля 1911 г.

Наташа, любимая моя, какая неописуемая мука знать, что Ты въ Москвѣ, каждымъ біеніемъ сердца рваться къ Тебѣ, и добровольно отказываться отъ свиданія.

Но что дѣлать — Ты права, эту жертву мы должны принести Алешѣ. Сознаніе причиненной ему боли, сознаніе, что я цѣлыхъ три мѣсяца, по какимъ бы то ни было причинамъ, все же обманывалъ его, тяжелымъ камнемъ гнететь мою душу; и я не могъ бы, самъ не могъ бы, если бы даже и не было на то Твоей воли, быть сейчасъ съ Тобою, сейчасъ, когда время не кинуло еще и первой пригоршни земли въ вырытую нами въ душѣ Алексѣя могилу.

Моя совѣсть чиста, Наташа. Но чиста только такъ, какъ она была бы чиста у Авраама, если бы Богъ не остановилъ его

занесенной надъ сыномъ руки: при всей чистотѣ — она вся въ крови и слезахъ.

Если бы Алеша по старому любилъ меня, если бы по старому вѣбрилъ мнѣ, если бы Ты уходила отъ него не со мною, но съ моимъ двойникомъ, я знаю, я доказалъ бы ему, что онъ жертва не вѣроломной лжи, но трагической правды жизни; я думаю, я спасъ бы его душу отъ того ожесточенія, въ которое, я знаю, она сейчасъ погружается; я вернулъ бы его жизни если и не ея счастье, то все же ея смыслъ и достоинство. Но какъ, какъ, Наташа, вернуть мнѣ себѣ Алексѣя, какою тропкою пробраться сейчасъ къ нему въ сердце, какъ вызвать на его лицѣ то выраженіе, съ которымъ онъ принялъ мою вѣсть о Твоей любви ко мнѣ? Впрочемъ, что же я спрашиваю? Я вѣдь знаю, и Ты не скажешь, и Ты не научишь и руки моей помощи никто за меня ему не протянетъ.

Вся надежда на время и на него самого. Для насъ же съ Тобой возможно только одно оправданіе: всей своей жизнью доказать ему, что какъ бы глубока ни была правда страданія, правда счастья всегда глубже ея.

„Weh spricht vergeh
„Doch alle Lust will Ewigkeit...

Да, Наташа, долженъ сообщить Тебѣ, что то, чего Ты боялась, но чего я желалъ — состоялось. Вчера я былъ въ Штабѣ и узналъ, что мы съ Алексѣемъ, оба вольноопредѣляющіеся Коломенскаго мортирнаго дивизиона, будемъ отбывать и въ этомъ году лагерный сборъ не только одновременно, но и въ одной и той же бригадѣ. Къ счастью только въ разныхъ дивизионахъ. Ежедневная жизнь наша будетъ протекать въ полной раздѣленности, но на обще-бригадныхъ ученьяхъ и стрѣльбахъ мы съ нимъ будемъ неизбежно встрѣчаться лицомъ къ лицу. Для моихъ смутныхъ надеждъ на какое-то возстановленіе нашихъ отношеній, перспективы этихъ обязательныхъ встрѣчъ очень желанны. Если мнѣ и не удастся вернуть себѣ Алешину душу, все же онъ самъ будетъ подъ моимъ

внимательнымъ, дружественнымъ надзоромъ. Ты можешь быть совершенно спокойна. Обо всемъ, что увижу, услышу, почувствую, буду срочно и подробно сообщать Тебѣ.

Я думаю, что наше рѣшеніе — уѣхать Тебѣ съ Готей на Кавказъ, самое правильное, что мы могли выдумать. Если бы Ты осталась въ Москвѣ, или гдѣ-нибудь подъ Москвою — это была бы страшная пытка для Алексѣя. То же, что Ты на цѣлые два мѣсяца становишься одинаково недоступной какъ для него, такъ и для меня, должно, по моему, какъ ни какъ, облегчить его страданія: умирить ревность и смягчить озлобленность его души.

Ну, до свиданія, дорогая. Черезъ два мѣсяца мы, значитъ, встрѣчаемся на вокзалѣ въ Боржомѣ! Какъ доживу до этой встрѣчи, я совсѣмъ себѣ не представляю. Одна надежда, что Богъ поможетъ каждому изъ насъ свершить свой долгъ, свой путь.

Какъ хорошо, что Ты ѣдешь съ Готей. Ей, доброй, несчастной и веселой женщинѣ мнѣ можно довѣрить Тебя. Да хранить Тебя Богъ.

Твой Николай.

P. S. Скажи, если бы я все же рѣшился пріѣхать проводить Тебя на вокзалъ — было бы это большимъ преступленіемъ? Вокзалъ, люди, Готя, вагонъ, всего только нѣсколько минутъ разговора и одинъ поцѣлуй руки, развѣ это то свиданіе, которое Ты обѣщала Алексѣю отложить до Твоего возвращенія?

Москва, 5-го іюля 1911 г.

Наташа, милая, какъ я радъ, что, послѣ долгихъ колебаній, все же рѣшился поѣхать проводить Тебя на вокзалъ. Рѣшился, правда, такъ поздно, что какъ ни гналъ извозчика, пріѣхалъ всего только за нѣсколько минутъ до второго звонка, и такая досада: такъ долго не могъ найти Вашего вагона. Если бы не внезапная вспышка Готинаго единственного смѣха изъ открытаго окна, я, вѣроятно, проискалъ бы еще дольше. И от-

куда у нея такой смѣхъ, когда такъ печальна ея жизненная повѣсть.

Но, кажется, что - то не то все пишу, хотя право не знаю, есть ли для влюбленного хоть какая - нибудь разница между «тѣмъ» и «не тѣмъ».

Да, съ одной стороны все случилось какъ - то страшно скоро и просто, съ другой — все было безконечно сложно и длилось, длилось цѣлую вѣчность.

Подумать только, что уже пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Таня познакомила меня съ застѣнчивой, девятнадцатилѣтней курсисткой, принесшей къ воротамъ Бутырской тюрьмы передачу ея брату и своему тайному жениху, — и годъ, какъ я написалъ Тебѣ свое первое письмо изъ Флоренціи, какъ письма къ Тебѣ превратились въ единственный смыслъ, единственную радость моей жизни!

Но все - таки Наташа, зачѣмъ Ты уѣхала?

Такъ пусто, такъ грустно стало въ Москвѣ!

Ну прости, ну не буду; я вѣдь все понимаю, все одобряю, и я горжусь, и я люблюсь Тобой.

Если бы Ты могла сегодня на вокзалѣ взглянуть на себя моими глазами, какую бы Ты увидѣла въ себѣ новую красоту! За недѣлю, что мы не видѣлись, Ты страшно измѣнилась, дорогая: — похудѣла и словно выросла. Цвѣтъ лица, совсѣмъ больной, напомнилъ мнѣ изсиня - желтый цвѣтъ мутнаго, мертваго жемчуга, глаза, оттѣненные синевой, углубились: стали большими и темными, главное же, надъ всѣмъ существомъ, этотъ знакомый мнѣ съ предсвадебнаго утра, скорбный, хрустальный звонъ осенней прозрачности. Но въ нашемъ прощаньи была минута: вся эта осенняя скорбь Твоей души внезапно освѣтилась улыбкой таинственно свершающагося въ Тебѣ выздоровленія: печальные глаза загорѣлись счастливымъ взоромъ и заря восходящаго счастья загорѣлась на впалыхъ щекахъ.

Эта минута была безконечно прекрасна! Благодарю Тебя за нее и цѣлую Тебя, мое тихое чудо; цѣлую сердце Твое...

Родная, я знаю, если нужно будетъ умереть за меня — Ты умрешь, но какъ бы мнѣ ни было нужно, чтобы Ты часто и много писала — писать Ты мнѣ все равно по настоящему не будешь. Я знаю эту Твою черту и страшно ее въ Тебѣ люблю. Но все же умоляю Тебя, какъ только приѣдете въ Цеми, заставь себя сразу же написать мнѣ какъ доѣхали и какъ устроились. Напиши, какъ можно подробнѣе, гдѣ поселились, налѣво ли отъ станціи или направо; живете ли въ бѣломъ каменномъ первомъ этажѣ, или деревянномъ второмъ, одной изъ немногихъ приличныхъ Цемскихъ дачъ. Я долженъ ясно представлять Тебя: Твои движенія, жесты, позы, взоры, въ опредѣленной, и до послѣдней мелочи извѣстной мнѣ обстановкѣ. Иначе я умру съ тоски: я не думать о Тебѣ не могу, не могу писать Тебѣ въ слѣпую. Я не могу не знать, бываетъ ли солнце въ Твоей комнатѣ утромъ или вечеромъ? Кипитъ ли Твой самоваръ на террасѣ или на балконѣ? Что растеть и что цвѣтеть сколо Тебя въ палисадникѣ и какія Ты взяла съ собою платья?

Не помню сейчасъ, кто-то изъ нѣмцевъ гдѣ-то изрекъ, что «любовь отличается отъ дружбы тѣмъ, что въ любви мы отдаемъ другому все, а въ дружбѣ только лучшее въ насъ». Мнѣ кажется эта мысль бесконечно вѣрна и глубока. Въ томъ, что любовь совсѣмъ не идеалистична, но конкретна и мистична, какъ разъ и таятся всѣ ея восторги и муки: восторги объ inferнальномъ Грушенькиномъ мизинчикѣ и муки о большихъ Каренинскихъ ушахъ;

Однако, родная, какъ ни интересна эта тема и какъ ни велика радость бесѣды съ Тобою, мнѣ необходимо кончать это письмо.

Передъ отъѣздомъ въ лагерь, необходимо еще многое сдѣлать, да и кое съ кѣмъ повидаться. Ѣхать же надо самое позднее завтра съ утреннимъ поѣздомъ. И такъ я уже пропустилъ всѣ льготные сроки. Какъ бы не вышло съ мѣста же большой неприятности. Боже мой, до чего мнѣ не по душѣ какія бы то ни было повинности — воинскія же въ особенности.

Покойной ночи, дорогая. Сердечный привѣтъ Готѣ и милому моей душѣ Кавказу: немолчному шуму его водопадовъ,

его оборваннымъ, но величественнымъ всадникамъ съ орлиными лицами и осинными таліями, его серебрянымъ, какъ въ Сіеннѣ, воламъ, съ прекрасно разведенными, точеными рогами, античными профилями и густо подведенными, какъ у актрисъ, печальными, покорными глазами.

Твой Николай.

Лагерь при селѣ Клементьевѣ,
9-го іюля 1911 г.

Здравствуй, счастье мое!

Въ Можайскъ пріѣхалъ, какъ и рассчитывалъ, 6-го утромъ. Нанялъ тройку разбитыхъ одровъ, запряженныхъ въ Ноевъ ковчегъ; однако, на бубенцахъ, на кнутѣ и на водкѣ какимъ-то чудомъ мигомъ долетѣлъ до «Сельцовъ». Сельцы эти совершенно отвратительная деревушка на восемнадцать, торчащихъ среди голаго поля, избъ. Версты на двѣ кругомъ ни рѣки, ни лѣска. На горизонтѣ ни холма, ни купола. Пыль, скука, жара и торчащія къ небу тупыя мортирные морды.

Адъютантъ дивизіона принялъ меня очень любезно. Несмотря на то, что я прибылъ послѣднимъ и съ большимъ опозданіемъ, онъ устроилъ меня одного въ чистой половинѣ довольно опрятной избы. Изъ трехъ, предложенныхъ мнѣ фельдфебелемъ, новобранцевъ, я выбралъ себѣ въ денщики простодушнаго, долговязаго и молчаливаго пермяка, Семена, который, кажется, совсѣмъ не ожидалъ такого успѣха своей незатѣйливой личности и который очень имъ пораженъ и обрадованъ.

Мой хозяинъ, совсѣмъ еще молодой мужикъ; веселый, упитанный московскій лихачъ. Его жена — ловкая, спорая работница — почти Некрасовская крестьянка - красавица: все хозяйство на ней. Дѣтей, слава Богу, только двое. Оба мальчика, въ мать. Выгоду моего пребыванія у нихъ и Иванъ Трофимовичъ и его Катерина прекрасно сознаютъ. Начищенный самоваръ у нихъ всегда «подъ парами», палисадникъ подъ моими окнами выметенъ и моя комната прибрана.

Съ моимъ Семешей Катерина весела, но строга. Зоветъ его «растяпой» и, работая за него на меня, заставляетъ таскать себѣ воду и рубить хворостъ. Онъ не «надивуется» на шустрый московскій народъ и, кажется, скоро начнетъ вздыхать по Катеринѣ.

Что касается начальства и товарищей, то все здѣсь обстоитъ тоже крайне благополучно. *Людей*, правда, мало, но много уютнаго, веселаго, добродушаго офицерскаго персонажа. Мой командиръ, уже немолодой, но лихой подполковникъ, вѣроятно, горе-артиллеристъ, такъ какъ, по его собственному признанію, до безумія любитъ въ своемъ дѣлѣ лошадей, но ненавидитъ — пушки. Третьяго дня, когда я уходилъ отъ него послѣ представленія, я былъ неожиданно атакованъ его совсѣмъ молоденькой супругой — типичной провинціальной меломанкой — которая, безповоротно рѣшивъ на основаніи моего бритаго лица, что мы съ ней будемъ ставить Клементьевскіе любительскіе спектакли, тутъ же заставила своего мужа заявить, что я могу быть въ этихъ цѣляхъ освобожденъ отъ строевыхъ занятій.

Какъ Тебѣ нравится эта чарующая легкость нашей русской жизни?

Вотъ, родная, Тебѣ и полная картина внѣшней обстановки моей новой жизни. Алешу пока не видѣлъ и ничего о немъ не слышалъ. Знаю только, что его дивизионъ стоитъ въ деревнѣ «Агафонихѣ», всего только въ верстѣ отъ «Сельцовѣ», и что онъ, пріѣхавъ на два дня раньше меня, поселился въ крайнемъ домѣ у Аfirmьи кривой, и не одинъ, а съ двумя какими-то прапорщиками москвичами. Все это узнала моя развѣдчица — Катерина.

Ну, Наташа, кончаю. Это письмо за письмо не считаю, написалъ его только, чтобы Ты знала, что я въ Клементьевѣ, и что мнѣ писать надо по адресу: Можайскъ. Артиллерійскій лагерь при селѣ Клементьевѣ, деревня Сельцы. Скоро буду писать по настоящему. Умоляю Тебя, не безпокойся за Алешу. Я почему-то абсолютно увѣренъ, что ничего страшнаго не случится. Жду Твоихъ писемъ. Да хранить Тебя Богъ.

Твой Николай.

Вчера отецъ прислалъ мнѣ изъ деревни верховую лошадь. Если бы Ты знала до чего я счастливъ! Какъ дуракъ хожу и смотрю на нее каждые полчаса. Она нѣсколько сдорожена, такъ что я ее еще не пробовалъ. Но судя по всему — должна быть очень хороша. Послѣзавтра, велю съ утра осѣдлать и отъ всѣхъ мортиръ, солдатъ и товарищей уѣду куда-нибудь въ лѣсъ, въ даль, за Москву - рѣку... прямо къ Тебѣ въ Цеми!

Сельцы, 11-го юля 1911 г.

Ахъ, Наташа, Наташа, — воскресенье, июль, а на дворѣ съ утра совсѣмъ неожиданная осень и будни: дождь, холодъ, туманъ. Моя душа тоже словно въ туманѣ: глухою тревогой осязаетъ она въ себѣ тайну, свой космическій корень, но постичь этой тайны, но увидеть своего корня, не можетъ. На брежущихъ окраинахъ сознанья, то и дѣло что - то вспыхиваетъ и гаснетъ... словно тамъ кто-то пронеситъ бьющійся въ вѣтрѣ факель...

Даже мечта о Тебѣ не уноситъ меня сегодня къ Тебѣ на Кавказъ, а сидитъ какъ сова съ подрѣзанными крыльями противъ меня и какъ - то загадочно смотритъ на меня своими слѣпыми глазами.

Послѣ обѣда ѣздилъ верхомъ по направленію къ Можайску. Далеко за Клементьевымъ встрѣтилъ дивизіоннаго вѣстового. Но никакой вѣсти отъ Тебя въ его почтовой сумкѣ не оказалось.

Когда я на обратномъ пути подъѣзжалъ къ Клементьевскому парку, изъ глубины его, съ террасы офицерскаго собранія неслись разметанные вѣтромъ звуки военного оркестра, какъ всегда исполненные для меня какою - то не понимающей себя тоской. Подъѣхавъ къ коновязи, я слѣзъ съ лошади и, съ тайною мечтой встрѣтить Алешу, направился черезъ всю террасу къ буфету купить себѣ папирось. Терраса была биткомъ набита народомъ, но Алексѣя не было. Да онъ, конечно, и не могъ тамъ быть!

Странное у меня сейчас къ нему отношеніе, Наташа. Я уже писалъ Тебѣ, что чувствую, какъ онъ меня ненавидитъ, но очевидно не понимая изъ глубины собственной души этой ненависти, я какъ-то не по настоящему вѣрю въ нее. Каждый день я съ тайной, страстной тревогой жду неожиданной встрѣчи съ нимъ. Не только всѣхъ проѣзжающихъ вдали офицеровъ, но даже и солдатъ, я, словно влюбленный, все время принимаю за него. Вотъ уже третій вечеръ я выхожу по нѣскольку разъ за околицу и смотрю есть ли у него въ окнѣ свѣтъ, или нѣтъ. Пока своими глазами не увѣрюсь, что его яркая лампа, очевидно висячая молнія, потушена, рѣшительно не могу заснуть.

Наташа, какъ бы я ни былъ ненавистенъ Алексѣю, я не могу перестать всѣмъ существомъ тянуться къ нему. Онъ для меня — Твое полудѣтское счастье, Твоя мука и Твой грѣхъ, Твоя борьба и Твоя побѣда; здѣсь, въ Клементьевѣ — онъ для меня Ты. Ну какъ же мнѣ не любить его со всею тою трепетностью, съ которою я люблю Тебя, мою вѣчную радость, мою единую жизнь.

Но и помимо Тебя; Алексѣй вѣнчалъ меня. Онъ хоронилъ со мною Таню. Онъ писалъ мнѣ послѣ ея смерти такія безгранично-преданныя, такія прекрасныя письма. Онъ такъ любилъ меня; — неужели же онъ думаетъ, что сможетъ просто не знать меня: не видѣть, не говорить, внутренне больше не жить со мной? Это безумная и это бездарная мысль, Наташа.

Послѣ всего, что между нами было, при всемъ, что между нами есть, никакая ненависть ко мнѣ не поможетъ ему отдѣлится въ себѣ себя отъ меня. Хотѣть меня убить — это онъ воленъ. Но не чувствовать меня самымъ себѣ близкимъ существомъ — это внѣ его силы и внѣ его власти.

И я думаю, Наташа, онъ такъ же напряженно слѣдитъ за мною, какъ я за нимъ, и такъ же, какъ я, готовится къ нашей встрѣчѣ. Встрѣча эта будетъ для обоихъ насъ безконечно мучительна, и все же, я вѣрю, она принесетъ обоимъ великое облегченіе, ибо невыносима та ложь, въ которой мы сейчасъ живемъ, дѣлая видъ, что мы никогда не знали другъ друга.

Во вторникъ назначена общебригадная стрѣльба. Съ величайшимъ напряженіемъ, съ надеждой и со страхомъ жду я естрѣчи съ Алешей. Какъ только вернусь съ полигона, обо всемъ напишу Тебѣ

Жду Твоего письма.

Твой Николай.

Сельцы, 14-го іюля 1911 г.

Нѣсколько часовъ тому назадъ я вернулся съ бригадной стрѣльбы. Алешу видѣлъ, но не такъ, какъ ожидалъ, — хотя и близко, но совершенно мелькомъ. Возможность примиренія сегодняшняя встрѣча все же отодвинула куда-то въ даль...

Возвращаясь съ полигона одинъ (я отпросился у командира заѣхать на почту отправить Тебѣ письмо заказнымъ), я увидѣлъ передъ собою облако пыли... Черезъ нѣсколько секундъ — дула мортиръ, лошадиные крупы, солдатскія спины. Въ полномъ строевомъ порядкѣ возвращалась со стрѣльбы какая-то батарея. Еще только поравнявшись съ хвостомъ ея, я почувствовалъ тревожный ударъ въ самое сердце, почти въ ту же секунду я увидѣлъ Алешину спину.

Боже, до чего онъ измѣнился, Наташа. Такой видимой, такой внѣшней переменѣны я и по Твоимъ словамъ никакъ не представлялъ себѣ. Не только отъ того вдохновеннаго Алексѣя, который уступалъ мнѣ Тебя, но и отъ никлаго и скорбнаго, котораго я видѣлъ въ послѣдній разъ, не осталось ни одного намека.

Голову онъ остригъ наголо. Лицо у него почернѣло, осунулось и заострилось какъ у покойника. Злое и измученное, оно не показалось мнѣ на этотъ разъ тѣмъ сложнымъ, одухотвореннымъ и скорбнымъ Алешинымъ лицомъ, къ которому я такъ привыкъ за послѣдній годъ. Въ сѣдлѣ онъ сидѣлъ какъ-то выпрямленно и мертво, словно деревянный, и ничѣмъ не связанный ни съ лошадыю подъ собою, ни съ людьми вокругъ себя, совсѣмъ одинокій...

Обходя батарею рысью и поровнявшись съ нимъ, я со страннымъ чувствомъ приложилъ руку къ козырьку. Несмотря на

то, что Алексѣй ѣхаль въ строю и былъ обязанъ отвѣтить мнѣ тѣмъ же, онъ этого не сдѣлалъ. Въ ту секунду, когда онъ въ обгонявшемъ офицерѣ узналъ меня, онъ побагровѣвъ быстро отвернулся въ сторону и мертво опустил на поводья инстинктивно дернувшуюся было къ козырьку руку . . .

Встрѣча эта, совсѣмъ не такая, какъ я себѣ ее представлялъ, произвела на меня очень сложное впечатлѣніе, Наташа. Не скрою отъ Тебя, что обликъ того внѣшне изуродованнаго и заостреннаго въ злобу Алексѣя, котораго я обогналъ сегодня, какъ - то умалилъ мое представленіе о его страданіи и охладилъ мой порывъ къ нему. Мнѣ не хочется сейчасъ ни писать ему, ни пойти къ нему съ тѣмъ, чтобы умолить или заставить себя выслушать. Сейчасъ мнѣ ясно, что онъ ничего не въ силахъ понять, такъ какъ онъ ничего не чувствуетъ кромѣ себя и своей боли; проблемы же жизни и страсти не видитъ. Мнѣ остается потому только ждать, пока она во весь свой ростъ снова встанетъ передъ его мыслью и совѣстью. Тогда я увѣренъ, онъ до конца пойметъ и оправдаетъ насъ.

Теперь къ Тебѣ моя мольба, родная. Будь мужественна и тверда. Надъ письмомъ этимъ напрасно не отчаявайся. Ты сдѣлала то, что Ты должна была сдѣлать. Послѣдствія же нашихъ поступковъ не въ нашей власти. Душевное состояніе Алексѣя сейчасъ, конечно, очень тяжелое, но, я увѣренъ, далеко не такое опасное, какъ было. Багровая злоба и ненависть не тѣ чувства, что уводятъ изъ міра. Алексѣй могъ бы покинуть его или въ тихомъ чувствѣ глубокой, гнетущей тоски, или въ чувствѣ какого - то восторженнаго освобожденія отъ послѣднихъ жизненныхъ связей. Ни на то, ни на другое онъ сейчасъ не способенъ. Сейчасъ онъ, по моему, борется за свою будущую жизнь отступленіемъ на чуждую ему позицію обыкновеннаго человѣка.

Увидавъ его сегодня, я вполне успокоился за него. «Обыкновенный человѣкъ» начало рѣшительно непобѣдимое ни для какого нравственнаго страданія; для Алеши же самого, это начало вполне безопасно: «обыкновеннымъ человѣкомъ» онъ можетъ на время стать, но никогда не сможетъ имъ навсегда

остаться, и я увѣренъ, мы его еще вернемъ къ себѣ. Увѣренъ, Наташа, а потому, счастье Ты мое, отдыхай на Кавказѣ если и не радостно, то спокойно. Изъ нашей двухмѣсячной разлуки пролетѣло уже восемь дней. Каждый изъ нихъ тянулся цѣлую вѣчность, но все же недѣля мелькнула какъ мигъ.

Боже, какъ я хочу увидѣть и обнять Тебя, какъ хочу доказать Тебѣ, что быть счастливымъ не право, но долгъ человѣка. Какъ хочу своею любовью успокоить Твою совѣсть и разрѣшить Твои сомнѣнія въ полетъ и пѣсни нашихъ дней.

Твой Николай.

Сельцы, 17-го іюля 1911 г.

Наташа, милая, девятого Ты пріѣхала въ Цеми. Двѣнадцатого Ты навѣрное писала мнѣ. Вчера я долженъ былъ получить Твое письмо, но я его не получилъ. Черезъ часъ я иду обѣдать въ собраніе и твердо увѣренъ, что у меня на тарелкѣ будетъ лежать конвертъ, что я увижу Твой почеркъ, не красивый, но такой четкій и ровный. Если мои мечты не сбудутся, я приду въ отчаянье. Хочу, хочу Твоихъ единственныхъ, прекрасныхъ; невнятныхъ словъ и Твоей тихой подписи «Наташа Твоя»!

Вчера я провелъ день въ полномъ одиночествѣ. Во время обѣда внезапно надвинулись тучи — желтыя, мглистыя. Бережки въ палисадникѣ «собранія» — единственные на всю деревню — встрепенились, закачались, пригнулись... Столбы пыли смерчемъ пронеслись по дорогѣ; въ какую-нибудь минуту вся деревня словно вымерла. Разразилась страшная гроза. Часамъ къ шести все успокоилось. Мнѣ страшно захотѣлось лѣса, луговъ, полей и я послалъ за лошадыю. Ее привели нарядную и взволнованную грозой. Она пошла подо мной горячо и послушно въ радостномъ ощущеніи своей кровной силы и красоты. Послѣ-получаса ѣзды я уже былъ у опушки Огарковскаго лѣса. Просѣка свѣтилась далью и солнцемъ. Малоѣзженная лѣсная дорога бѣжала передо мной какъ - то особенно душевно и затаенно. Въ колеяхъ и лужахъ весело синѣли плотные кус-

ки омытаго грозою неба. Зеленъ — нѣжная, свѣтлая, влажная, роняя тяжелыя, радужныя капли, нѣжными шорохами вслушивалась въ тишину. Какая - то непонятная, запоздалая кукушка вдругъ надъ самымъ ухомъ начала мнѣ отсчитывать безконечное количество счастливыхъ лѣтъ... Я ѣхалъ въ восторженномъ упоеніи, каждымъ ударомъ своего сердца цѣлuya мечту о Тебѣ!

Лѣсъ кончился — на зеленомъ холмѣ показалось «Огарково».

Полуразрушенный, деревянный ампиръ, съ наглухо забитыми окнами; когда - то умно и любовно разбитый, запущенный садъ; поросшій крапивою дворъ — и ни одной живой души кругомъ, точно все не дѣйствительность, да еще подмосковная, а такъ, не то сонъ, не то страница Тургеневской повѣсти...

Въ Цеміи непременно захвачу съ собой и прочту Тебѣ «Дворянское гнѣздо», «Фауста» и «Клару Миличъ». По моему Тургеневъ изумительный художникъ для тѣхъ, кто еще владѣетъ тайною его чтенія. При всемъ своемъ теоретическомъ скептицизмѣ, онъ какъ художникъ все же явный метафизикъ. Любовь и смерть для него не только процессы въ человѣческихъ душахъ, какъ для Толстого, но живыя, метафизическія существа...

Но возвращаюсь къ своему дню. Обогнувъ Огарковскій садъ, я повернулъ къ Клементьеву, съ расчетомъ вернуться въ Сельцы черезъ Агафонику. Неудержимо тянуло еще разъ увидѣть Алешу. Посреди Агафоники нѣсколько разъ останавливалъ лошадь, подолгу закуривая незажигавшуюся папиросу, но всѣ ухищренія были тщетны. Ни среди офицерской молодежи, игравшей передъ «собраніемъ» въ городки, ни за самоваромъ, кипѣвшемъ на крыльцѣ у Афимьи кривой, я его не нашелъ. Дѣлать было нечего. Я тронулъ лошадь и поѣхалъ домой. Передо мной надъ темной полосой лѣса печально пылала заря. Въ Сельцахъ подъ гармонику и волюнку переливалась заунывная, солдатская пѣсня... Переѣзжая вбродъ уже подъ самыми Сельцами небольшую рѣчку, я увидѣлъ на бревнахъ, приготовленныхъ для чинки моста, спиною ко мнѣ трехъ офицеровъ.

Одинъ изъ нихъ былъ Алеша. Ты не можешь себѣ представить какъ я обрадовался! — Еще секунда, и я бы окликнулъ его . . . Но вспомнилось его багровое, изуродованное лицо, и я отвернувшись молча проѣхалъ мимо . . .

Какое безуміе, что онъ хочетъ не знать меня, того единственнаго человѣка, который въ себѣ самомъ знаетъ тотъ лосторгъ и то отчаяніе, которое будетъ сегодня ночью пылать надъ нимъ, которому тихое имя Наташа.

Не знаю, можетъ быть я уродъ, но я клянусь Тебѣ, — если бы Ты осталась съ Алексѣемъ, онъ все же остался бы самымъ близкимъ мнѣ послѣ Тебя человѣкомъ, и мы вечеръ за вечеромъ проводили бы въ лагерѣ вмѣстѣ.

А можетъ быть это и не случайность, что въ то время, какъ я выслѣживалъ Алешу въ Агафонихѣ, онъ направлялся къ моимъ Сельцамъ. Надѣяться на это боюсь, но и не надѣяться еще не смѣю.

Ну, надо кончать, родная. Семенъ зоветъ обѣдать, я же иду получать Твое письмо. Прости, что мало пишу Тебѣ. Цѣлыми днями хожу съ простертыми къ Тебѣ руками, а писать не могу, будто влюбленныхъ рукъ опустить на бумагу не смѣю.

Да хранить Тебя Богъ.

Твой Николай.

P. S. Мое сердце не обмануло меня. Получилъ Твое письмо. Цѣлую Тебя за любовь Твою. Завтра же пишу Тебѣ, сейчасъ не могу приписать ни слова. И такъ уже незаконно задерживаю вѣстового. Онъ можетъ не поспѣть къ почтовому.

Сельцы, 18-го іюля 1911 г.

Наташа, счастье мое священное, ночь, о которой написала мнѣ: — вечерній балконъ, буйволы, эти полумифическія существа на водопоѣ, низкія, горячія, лучистыя звѣзды на изсиня черномъ небѣ и внезапный, торжественный надъ снѣжными вершинами разсвѣтъ, отъ котораго Ты поспѣшила въ нашу занавѣшенную комнату спасти Твою тайную мечту обо мнѣ въ тре-

вожняя видѣнія предутренняго полусна, наполнила мою душу такимъ блаженствомъ и такой тоской по Тебѣ, для которыхъ нѣтъ и не можетъ быть словъ.

Не знаю и не пойму, какъ умудрилась Ты такъ правдиво и такъ прекрасно, съ такимъ большимъ искусствомъ рассказать мнѣ о любви своей и о ея весь мѣръ преобразующей силѣ. Неужели же быть художникомъ только и значить быть до конца исполненнымъ единымъ и цѣлостнымъ чувствомъ? Съ безконечною нѣжностью, съ безконечною благодарностью цѣлую я Твои милыя руки за тѣ слова, что прислали онѣ мнѣ нѣжно начертанными на тѣхъ же дорогихъ моему сердцу листкахъ, что бѣлыми голубями прилетали бывало ко мнѣ во Флоренцію въ мою одинокую комнату на Via Savug

. . . Ахъ Наташа, какъ сейчасъ все могло бы быть невѣроятно прекрасно, если бы не Алексѣй! . . То, что уйдя отъ него Ты взяла себѣ на душу тяжелый грѣхъ, я оспаривать, конечно, не стану; Твой грѣхъ — мой грѣхъ. И повѣрь, что я его мучительно чувствую, хотя живу имъ, конечно, далеко не съ тою серьезностью и не на той глубинѣ, какъ Ты. И все-таки Наташа, я съ Тобою не согласенъ; я готовъ голову дать на отсѣченіе за непоколебимое свое убѣжденіе, что, взявъ на душу нашъ грѣхъ, мы тѣмъ самымъ лишь исполнили нашъ прямой долгъ. Думать, что грѣхъ никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть содержаніемъ нашего долга, страшный моралистическій оптимизмъ, родная. Только потому, что наше нравственное сознаніе постоянно наталкивается на неразрѣшимое въ немъ самомъ, трагическое противорѣчіе *нравственно обязательнаго грѣха*, оно и не завершается въ себѣ самомъ, но неизбѣжно восходитъ къ сверхнравственной идеѣ религіознаго искупленія.

Что мы съ Тобой въ той или иной формѣ, вѣроятно, заплатимъ судьбѣ и за нашъ грѣхъ и за наше счастье, объ этомъ я часто думаю, но мысль, что Ты должна была остаться съ Алексѣемъ для спасенія его жизни и счастья, мнѣ еще никогда не приходила въ голову. О счастьѣ не будемъ и говорить. Единственное нравственно цѣнное счастье состоитъ въ мукахъ творче-

скаго отношенія къ жизни и ни у кого никѣмъ не можетъ быть отнято. Всякое же другое счастье ни къ какимъ вопросамъ долга и совѣсти никакого отношенія не имѣетъ, ибо никакой духовной цѣнности само въ себѣ не таитъ.

Но не только спасеніе Алешинаго счастья не могло быть Твоимъ долгомъ, Наташа, не могло имъ быть и спасеніе его жизни. Лишь потому могло оно казаться Тебѣ нравственно обязательнымъ, что Ты всегда была увѣрена, что, спасая Алешину жизнь, Ты не убиваешь моей. А что если бы Тебѣ не было дано и этой увѣренности? Неужели же и обрекая меня гибели, сочла бы Ты себя обязанной спасти Алешину жизнь. Нѣтъ, Наташа, въ такую Твою трагическую судьбу я повѣрить могу, но не въ такой Твой долгъ, ни даже въ такое Твое право. Ни одинъ смертный своею волею не смѣетъ рѣшать кому быть въ жизни счастливымъ, кому быть несчастнымъ, кому оставаться въ живыхъ, кому ложиться въ могилу.

Долгъ же человѣка совѣмъ въ иномъ. Какъ странно, что даже исполнивъ его, Ты все еще не сумѣла понять его. Наташа, повѣрь, я не умствую, я пишу съ послѣднею искренностью; — уходя отъ Алеши, Ты вѣдь не къ счастью Твоему только влеклась, но покорно шла за голосомъ Твоей совѣсти, за велѣніемъ долга. Клянусь Тебѣ, кто бы ни увидалъ Тебя въ то утро, когда, вся вдохновенье, вся даръ и благодать любви, приѣхала Ты ко мнѣ изъ Звенигорода, всякій почувствовалъ бы что передъ нимъ не своевольная преступница, но судьбою ко грѣху приговоренная праведница.

Прости, дорогая, что я все снова и снова возвращаюсь къ этимъ нашимъ вѣчнымъ вопросамъ. Но что же мнѣ дѣлать, если чувствую, что Ты все еще не согласна со мною, что сердце Твое все еще чувствуетъ себя побѣжденнымъ тамъ, гдѣ оно имѣло бы право торжествовать своєю побѣдою. Повѣрь, Наташа, нѣтъ высшаго долга для человѣка, чѣмъ долгъ осуществленія отпущеннаго ему небомъ дара. Каждый даръ небесъ жизнь облагаетъ тяжелымъ бременемъ. Умѣть нести бремя своего дара и среди всѣхъ превратностей судьбы всегда оста-

ваться самимъ собою, вотъ въ чемъ верховный долгъ всякаго человѣка.

Я очень далекъ отъ безотвѣтственной проповѣди произвола, самоублаженія и всякаго ненавистнаго мнѣ дешеваго аморализма. То, въ чемъ я пытаюсь убѣдить Тебя, по самому моему глубокому убѣжденію, единственно возможный, ибо единственно объективный, этическій путь.

Развѣ даръ человѣка не самое объективное въ немъ, не то высшее начало, въ которомъ онъ перерождается себя, которымъ вырастаетъ въ міръ объективныхъ идей, которымъ связуешь себя съ современниками, съ потомками и со своимъ собственнымъ безсмертіемъ.

Я знаю, Ты скажешь, что все это такъ для великихъ людей: — мыслителей и художниковъ, но не такъ для обыкновенныхъ смертныхъ, прежде всего не такъ для Тебя. Не вѣрно, Наташа; тутъ никогда не соглашусь я съ Тобою. Мыслители не только тѣ, что пишутъ системы, но прежде всего тѣ, что свою жизнь послѣдовательно строятъ на ненаписанныхъ ими системахъ, и художники не только тѣ, что создаютъ художественныя произведенія, но прежде всего тѣ, которые ихъ изживаютъ или ими становятся. Среди тѣхъ, кого Ты называешь обыкновенными людьми, очень много большихъ дарованій, т. е. людей всѣмъ своимъ существомъ предназначенныхъ къ служенію какой-нибудь опредѣленной идеи. Въ этомъ служеніи — ихъ верховный долгъ, въ уклоненіи отъ него — ихъ величайшее преступленіе.

Теперь о Тебѣ, о Твоемъ дарѣ и о Твоемъ долгѣ, Наташа. Видишь ли, во мнѣ уже давно нѣтъ больше сомнѣній, что Ты рождена съ совершенно единственнымъ даромъ любви въ душѣ: — ни жалости, ни помощи, ни самопожертвованія, ни врачеванія, но именно любви, той настоящей любви, которая, естественно неся въ себѣ всѣ эти свои гуманныя детали, все же безконечно высоко подымаетъ надъ ними ту свою священную вершину, съ которой только и открывается человѣку обѣтованная земля его метафизическихъ чаяній и его религіозной тоски.

Голоса этого Твоего дара, этой Твоей любви Алеша, какъ бы онъ къ Тебѣ ни былъ привязанъ, не только пробудить, но даже и услышать въ Тебѣ никогда бы не могъ. Того, что Твоя любовь несетъ мнѣ, Царствія Божія, Алешѣ на путяхъ любви, я знаю, никогда не обрѣсти. Въ любви послѣдняя глубина для него навѣки закрыта. Онъ не мистикъ и не эротикъ; какъ чловѣкъ онъ женщинѣ только другъ, какъ мужчина — онъ только темпераментъ. Послѣднія же духовныя достиженія лежатъ для него не на путяхъ любви: быть можетъ на путяхъ церкви, въ которую онъ временами какъ-то припадоочно пытается вѣрить, быть можетъ на страдальческихъ путяхъ его революціонной вѣры и борьбы . . .

Если бы Ты осталась съ нимъ, Ты неизбежно уронила бы Твой даръ священной любви, т. е. не исполнила бы своего верховнаго долга. Разрывъ съ нимъ былъ потому для Тебя нравственно обязателенъ, вѣдь всякой зависимости отъ какихъ бы то ни было его возможныхъ для Алексѣя послѣдствій.

Въ томъ же, что Твой даръ любовь, а не жертва и не мощь, Ты не имѣешь ни малѣйшаго основанія сомнѣваться. Всякій даръ, всякій талантъ всегда мѣтокъ, четокъ и увѣренъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и путяхъ. Гдѣ эта четкость и увѣренность въ четырехъ годахъ Твоей жизни съ Алешей? Все сплошь — колебанія, сомнѣнія, страданія, надрывы, муки и проблемы, а въ результатѣ всего измѣна, въ концѣ концовъ уже подъ вѣнцомъ. Насколько все это убѣдительно какъ трагическое вступленіе къ Твоей настоящей, роковой любви, настолько же все это не то подъ знакомъ жертвы и помощи. Теперь вспомни себя съ того, въ сущности все предрѣшившаго вечера, когда Ты мнѣ послѣ Флоренціи сама открыла парадную дверь и мы, взволнованно поздоровавшись, вдругъ какъ-то странно ощутили, что мы не обнялись и не поцѣловались . . . Съ того дня не прошло еще и пяти мѣсяцевъ. *Все было* противъ Твоей любви ко мнѣ. Но вотъ все осилено и сметено. Остатки старыхъ убѣжденій еще томятъ и мучаютъ душу, но направлять ее уже болѣе не направляютъ, вести не ведутъ. Неужели же, радость и жизнь моя, Ты во всемъ этомъ не чувствуешь четкой

и вдохновенной руки большого дарованія, послѣ долгихъ блужданій, наконецъ - то нашедшаго свой единственный, вѣрный путь.

Знаешь, Наташа, сейчасъ мнѣ почему - то (впрочемъ ассоціація ясна) вспомнился одинъ изумительный человекъ. Познакомился я съ нимъ лѣтъ шесть тому назадъ въ Мюнхенѣ и мѣсяца три почти каждый день бывалъ у него. Это былъ старикъ лѣтъ семидесяти. Какъ лушь бѣлый, въ громадной бородѣ и кудряхъ вокругъ лысины, съ лицомъ строгимъ по своимъ чертамъ, но очень ласковымъ по своему выраженію. Если хочешь представить его себѣ, вспомни Дюрероваго Иерошима. Былъ онъ большой мастеръ, граверъ по дереву, и весь свѣтился благоговѣйной любовью къ своему мастерству и къ своимъ бѣлымъ пальмовымъ доскамъ. Думаю, что если бы я вдругъ увидѣлъ нимбъ надъ его головой, я бы ничуть не удивился. Поразительно было въ немъ то, что его любовь къ своему искусству не была только профессиональною страстью, но живымъ, религіознымъ центромъ исключительно мудраго отношенія къ людямъ и къ жизни. Смотри, бывало, какъ онъ выбираетъ доску для новой работы, какъ внимательно вращаетъ ее въ наморщенныхъ старческихъ пальцахъ, какъ ласково проводитъ по ней чуткой, желтой ладонью, я не разъ думалъ, что если бы всѣ люди уподобили бы свое отношеніе къ жизни его отношенію къ своему матеріалу, если бы всѣ мы поняли, что каждый предстоящій день и часъ представляетъ собою бѣлую доску, готовую принять въ себя напечатлѣніе творческаго духа, если бы всѣ мы пробудили въ себѣ настоящихъ художниковъ жизни, какъ мой старикъ вдохновенныхъ въ своихъ концепціяхъ и расчетливыхъ въ своемъ мастерствѣ, если бы стали мудрыми граверами по самому благородному и благоуханному дереву, по вѣчному древу жизни, то всѣ нравственные вопросы разрѣшались бы одновременно и легко и глубоко помимо всякихъ скрижалей, заповѣдей и законовъ.

Не знаю, не хочу сейчасъ думать, быть можетъ и есть сферы жизни, въ которыхъ моя артистическая этика не вполне применима, гдѣ необходимы штампы мертваго морализма — за-

коны и правила, но на вершинахъ духа, и прежде всего на вершинахъ искусства, имъ не мѣсто, Наташа, не мѣсто потому и въ любви. Ибо что же любовь, какъ не религіозная вершина глубочайшаго искусства — жизни. Полюбить другъ друга, развѣ это не значить избавить другъ друга отъ всего случайнаго и безформеннаго, пластически завершиться другъ въ другѣ, обрѣсти строгій ритуаль жизни, отчеканить и вознести діалогъ своихъ чувствъ, стать другъ другу матеріаломъ и формою, лицомъ и судьбою, стать другъ другу залогомъ безсмертія!

Если мы такъ полюбили, то наша любовь гораздо больше, чѣмъ только *наша* любовь, она тотъ образъ Божьяго совершенства, что мы съ Тобою были призваны другъ черезъ друга осуществить для міра и утвердить надъ міромъ. Наша любовь — нашъ вкладъ въ дарохранилище міра. И этимъ вкладомъ Алексѣй обязанъ быть счастливъ, какъ обязанъ быть счастливъ всякій человѣкъ тѣмъ, что гдѣ - то и кѣмъ - то рождается гъ мірѣ нѣкій образъ абсолютнаго совершенства, какъ обязанъ каждый человѣкъ и страдать отъ того, что гдѣ - то и кѣмъ - то такой образъ погашается въ мірѣ.

Если у Алексѣя не хватаетъ силы исполнить этотъ свой долгъ и онъ вмѣсто того, чтобы испытывать сейчасъ хотя бы только и радость, испытываетъ *одно* только страданіе, то это понятная человѣческая слабость. Жалѣть его и душою болѣть за него Тебѣ, конечно, не только естественно, но даже и обязательно; думать же, что Ты должна была, измѣнивъ долгу Твоего дара и дару Твоей любви, остаться съ нимъ, не только не естественно, но — прости меня, родная, преступно и грѣшно...

Писать больше не могу; я сегодня дежурный по дивизиону и мнѣ надо смѣнять карауль. Люди уже выстроены...

Съ болью отрываюсь отъ неоконченнаго письма. Съ грустью возвращаю Тебя Кавказу: Твоимъ буйволамъ, Твоимъ ночамъ и Твоему балкону.

Люблю Тебя и жду Тебя.

Твой Николай.

Сельцы, 21-го іюля 1911 г.

Дорогая Ты моя, вѣдь знаю же я, что раньше чѣмъ дней черезъ восемь - десять послѣ перваго письма мнѣ второго ждать никакъ не приходится, а вотъ ноги сами носятъ меня каждый день передъ обѣдомъ въ канцелярію, гдѣ въ это время разбирается почта, чтобы недозвѣрчивыя руки могли сами перебрать всѣ конверты и глаза сами убѣдиться, что письма отъ Тебя еще нѣтъ.

Съ этимъ горестнымъ убѣжденіемъ въ душѣ я вотъ уже третій день спѣшу какъ можно скорѣе отоѣдать, дабы между обѣдомъ и вечерними занятіями снова перечестъ Твое первое, такое длинное для Тебя письмо.

Хотя я отвѣчалъ Тебѣ на него въ день моего дежурства, т. е. въ день въ сущности свободный отъ всякихъ занятій, я все же смогъ отозваться только на Твои сомнѣнія, касающіяся Алешки, на все остальное все - таки не хватило времени. Задерживать же письма не хотѣлось: слишкомъ радостно волновалось въ душѣ представленіе, какъ Ты получаешь, распечатываешь и читаешь мое письмо.

Какая Ты милая и какая Ты смѣшная, Наташа. Пишешь, да еще совершенно серьезно, что не понимаешь, какъ я могъ полюбить Тебя, такую обыкновенную и малоинтересную, зная такъ много особенныхъ, умныхъ, красивыхъ и увлекательныхъ женщинъ.

Что мнѣ на это отвѣтить Тебѣ, родная? Будь я французъ, или еще лучше, итальянецъ, я началъ бы, конечно, немедленно клясться, что Ты самая умная, самая красивая, самая интересная и самая увлекательная женщина, которая была когда - либо рождена смертною матерью, и что я Тебя люблю за эту Твою превосходную степень. Но, къ несчастью, я совсѣмъ не французъ и совсѣмъ не итальянецъ. Къ вѣчно мучающей себя русской крови во мнѣ примѣшаны только еще какія - то капли тяжелодумной германской. Къ тому же, дѣдъ мой ученикъ Гегеля, я самъ недавно изъ Гейдельберга. Мудрено ли, послѣ всего сказаннаго, что у меня нѣтъ другого исхода, какъ, попро-

сивъ у Тебя извиненія за нелобезность, попытаться серьезно отвѣтить на очаровательное недоумѣніе Твое.

Съ тѣмъ, что Ты совсѣмъ обыкновенная женщина, я согласиться никакъ не могу, но зато охотно соглашаюсь со вторымъ Твоимъ утвержденіемъ. Причемъ, однако, прошу мнѣ повѣрить, что если бы Ты принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которыхъ мы, мужчины, ощущаемъ интересными, Ты была бы гораздо болѣе обыкновенна, чѣмъ Ты есть на самомъ дѣлѣ. Повѣрь мнѣ, Наташа, интересныхъ женщинъ очень много, а вотъ такихъ, какъ Ты — нѣтъ.

Интересныхъ, и даже очень интересныхъ я зналъ не одну: онѣ всѣ разныя, но все же отравы въ нихъ всегда одна и та же. Самое первое впечатлѣніе отъ нихъ — всегда до боли интенсивно, но и самое послѣднее ощущеніе ихъ — всегда смутно какъ сонъ. Это призрачныя, неуловимыя женщины съ какимъ-то блуждающимъ душевнымъ центромъ и тающими контурами образа. Онѣ сами въ себѣ раздвоены и потому въ нихъ все противорѣчиво: онѣ живутъ только любовью, но ихъ любовь всегда въ ссорѣ съ ихъ жизнью; каждую минуту своего счастья онѣ неизбѣжно заостряютъ горечью, но зато и къ страданьямъ своимъ напряженно прислушиваются и слышатъ въ нихъ не только боль, но и блаженство; какую-то сладостную, далекую музыку. Пока онѣ не влекутъ къ себѣ, онѣ вызываютъ нѣжность и даже жалость: есть въ нихъ какая-то обреченность, какая-то предопредѣленность къ саморазрушенію; но какъ только дрогнуло сердце и отдалось мареву ихъ обаянія, начинается глухая борьба. Въ свою страсть эти странныя женщины всегда вносятъ поединокъ, въ свою любовь — мщенье и ненависть. Ихъ глаза обыкновенно страстнѣе и геніальнѣе ихъ губъ; не потому ли ихъ мечты всегда невоплотимы, предчувствія настороженны, чувства тревожны и руки нервны. Онѣ почти всегда женщины съ очень широкими духовными интересами, съ острымъ, но безотвѣтственнымъ вкусомъ и съ большимъ артистическимъ темпераментомъ. Ихъ письма — всегда эпистолярная литература. Изрѣдка онѣ встрѣчаются среди большихъ, настоящихъ актрисъ. Въ нихъ много блеска, онѣ

декоративны, но въ нихъ нѣтъ тишины и исполненія. Онѣ пробуждаютъ страшную тоску по любви, но любви сами не знаютъ и любви никому не несутъ. Для большинства среднихъ мужчинъ онѣ не интересны и не соблазнительны: слишкомъ сложны и непосильны. Вокругъ нихъ нѣтъ потому той напряженно-любовной атмосферы, которая окружаетъ «такъ называемыхъ» интересныхъ женщинъ: «столичныхъ львицъ», провинціальныхъ «милыхъ барынекъ» и духоблудствующихъ дѣвицъ.

Но ничего на даря всѣмъ, онѣ и одному никогда не даютъ всего. Сквозь ихъ сердца всегда протекаютъ нѣсколько сложныхъ чувствъ. Вблизи нихъ всегда страдаетъ нѣсколько утонченныхъ, артистичныхъ, но безвольныхъ, женственныхъ мужчинъ. Мнѣ кажется, что Екатерина Львовна, о которой писалъ Тебѣ изъ Флоренціи, была въ свое время такою моею интересною женщиной. Быть можетъ, что - то отъ нея скажется и въ Маринѣ, когда ея жизнь уйдетъ изъ подъ знака смерти и встанетъ подъ знакъ любви.

Надѣюсь, что выводъ излишенъ. Я полюбилъ Тебя, а не интересную женщину потому, что интересную женщину невозможно любить. Интересная женщина — переживаніе, но не жизнь; событіе, но не бытіе. Любовь же цѣлостная, единая жизнь, навѣкъ отданная подлинному, абсолютному бытію.

Женщина исполненная любви не интересна потому, что она гораздо больше чѣмъ интересна: она значительна, существенна, священна. Не умаляя называемаго, интереснымъ можно называть только предпоследнее, временное, частичное. Все же последнее, вѣчное и цѣлостное опредѣленіемъ этимъ неизбѣжно принижается и обезцѣнивается.

Для проблемы не позоръ быть интересной, но рѣшеніе ея должно быть истиннымъ. Мечтать объ интересной жизни естественно, но объ интересной смерти — кощунственно. «Интересное солнце» — бессмыслица, но интересное освѣщеніе — вполне понятная мысль. Такъ и въ любви, Наташа. Съ интересною женщиною, не умаляя любви и себя, можно имѣть романъ. Романъ — категория эстетическая. Но называть романъ любовью — нельзя, не умаляя любви и себя: любовь кате-

горя религіозная. И какъ романъ не похожъ на любовь, такъ и интересная женщина не похожа на женщину, которая подлинно любитъ и подлинно любима.

Такая женщина внутренне сосредоточена, собрана и цѣлостна; внѣшне спокойна, тиха и ровна. Красива ли она, или не красива, она всегда прекрасна, но никогда не прелестна, такъ какъ успокоенная красота ея никому не льститъ и никого не прельщаетъ. Таинственная, и какъ бы во внутрь отозванная, она подобна тѣмъ торжественно освѣщеннымъ, но ревниво занавѣшеннымъ окнамъ, за которыми прохожій угадываетъ пѣвучій, красочный, праздничный міръ, но въ которыхъ видить только однѣ тѣни.

Въ отличіе отъ всѣхъ интересныхъ, острыхъ, отравляющихъ, но въ любви все же безблагодатныхъ женщинъ, женщина, дѣйствительно исполненная любви, никогда не создаетъ вокругъ себя никакой усложненной, эротической атмосферы. Ея любовь — кругъ безконечнаго радіуса, вокругъ котораго немислимъ потому никакой окружающей міръ. Женщины, въ особенности интересныя, ее часто ненавидятъ, потому что безознательно завидуютъ ей. Мужчины въ нее влюбляются рѣдко, потому что влюбчивость большинства изъ нихъ корыстна и инстинктивно устремлена по линіямъ наименьшаго сопротивленія. Зато ее всегда страстно любятъ дѣти и ею часто лобуются безкорыстные взоры художниковъ и стариковъ.

Она не художница, не писательница, не поэтесса и ужъ, конечно, совсѣмъ не актриса. Какъ бы она ни была образована, умна и душевно тонка, ея душа въ какомъ-то послѣднемъ смыслѣ все же всегда враждебна культурѣ и творчеству, какъ имъ враждебна земля и церковь.

Такова, Наташа, эта моя неинтересная женщина, которую я узналъ и навѣкъ полюбилъ въ Тебѣ, которая, я надѣюсь, *излѣчитъ меня отъ «интереснаго человѣка»* во мнѣ, сосредоточить мою жизнь на существенномъ и значительномъ моей души, въ которой я обрѣту свою цѣлостность и свою вѣчную память, покой, достоинство и мудрость своего смертнаго часа.

Кажется, родная, мое объясненіе, почему я полюбилъ Тебя, а не интересную женщину, вышло серьезнѣе моихъ намѣреній, но зато оно вышло быть можетъ и любезнѣе того, что Ты отъ меня ожидала.

Цѣлую Тебя, любовь моя, и умоляю писать. Если Твое слѣдующее письмо, какъ я боюсь, будетъ отвѣтомъ на мое, то мнѣ его ждать еще цѣлую вѣчность! Черезъ четыре дня у насъ снова стрѣльба. Если увижу Алешу, сейчасъ же напишу Тебѣ.

За это время ничего о немъ не слышалъ и не встрѣчалъ его. Ну, до свиданья мое счастье.

Твой Николай.

Сельцы, 26-го іюля 1911 г.

Очень вчера былъ странный день, родная. Я видѣлъ Алешу. И даже больше: между нимъ и мною произошло нѣсколько очень сложныхъ и почти жуткихъ встрѣчъ; притомъ нѣмыхъ: мы не только не сказали другъ другу ни одного слова, но даже взглядывая другъ на друга, все же ни разу не взглянули другъ другу въ глаза, не обмѣнялись взорами. Все было между нами глухо, какъ перестукиваніе черезъ стѣну, но при этомъ — все вплотную: душа въ душу, непріязнь въ непріязнь и тоска въ тоску. Началось все во мнѣ съ громадной надеждой, а кончилось все скверно, стыдно и какъ - то совсѣмъ случайно. Сейчасъ у меня въ душѣ выжжены всѣ надежды. Не думаю, чтобы наши отношенія съ Алешей скоро наладились. Чувствую, что вчерашній день разъединилъ насъ со страшной и нелѣпой жестокостью. Расскажу Тебѣ, бѣдная Ты моя, все съ самаго начала, а Ты рѣшай сама, какъ лучше знаешь.

Отославъ Тебѣ послѣднее письмо, я пошелъ въ собраніе. Тамъ оказалось неожиданно людно и шумно: офицеры другихъ частей, коньякъ, гитара . . . Какой - то пружиной своей души, Ты знаешь, я и это все за что - то люблю. Въ этотъ же вечеръ мнѣ было какъ - то особенно «по себѣ»; все казалось приятнымъ, всѣ люди представлялись милыми . . . Въ такомъ настроеніи всегда внушаешь къ себѣ довѣріе и симпатію. Какой-то молоденькій, хлыщеватый поручикъ съ женской браслеткой

на лѣвой рукѣ рѣшительно влюбился въ меня: на зарѣ онъ уже стоялъ передо мной на колѣняхъ и умолялъ, чтобы я подалъ прошеніе о переводѣ въ ихъ дивизионъ, такъ какъ ихъ прапорщики всѣ «зеленая тоска» и «крамольники». Одинъ же изъ нихъ (тутъ онъ называлъ Алешу) все время до того якшается съ солдатами, что командиръ рѣшилъ установить за нимъ тщательный надзоръ, который и поручилъ ему, поручику Александру Бржезинскому.

Сообщеніе это страшно взволновало и удивило меня. Алексѣй вѣдь не мальчикъ, онъ опытный, осмотрительный работникъ, и вдругъ дать себя выслѣдить въ какія - нибудь двѣ - три недѣли... Что это? Полная нервная развинченность или бреттерство, вызовъ судьбѣ? Но вѣдь дѣло, которое онъ дѣлаетъ не его дѣло, а въ его глазахъ, по крайней мѣрѣ, дѣло всего народа! Чувство отвѣтственности за каждый свой шагъ было въ немъ всегда очень повышено и остро...

Само собою разумѣется, Наташа, что разыгравъ передъ элегантнымъ Бржезинскимъ густопсового черносотенца и пригласивъ его какъ - нибудь на дняхъ же заѣхать ко мнѣ, выпить вина и рассказать о своихъ успѣхахъ, я поспѣшилъ домой, разбудилъ Семешу, велѣлъ ставить самоваръ, заварить кофе, а самъ сѣлъ писать Алешѣ.

Написавъ о Бржезинскомъ, я хотѣлъ было запечатать конвертъ, но не смогъ. Начавъ писать, я съ такой силой вошелъ въ ощущеніе нашихъ прежнихъ отношеній, къ тому же и радость оказать услугу, быть можетъ спасти его, такъ волновала меня, что казалось невозможнымъ не сказать всего того, чѣмъ все послѣднее время только и жила душа, казалось невозможнымъ, что Алексѣй не сможетъ или не захочетъ понять меня, моей любви и моей правды.

Я писалъ съ трехъ утра до самыхъ занятій, т. е. до девяти. Написалъ обо всемъ, о чемъ писалъ Тебѣ и просилъ отвѣтить мнѣ только одной фразой, сказать только одно, что ни Ты, ни я не стали въ его глазахъ другими людьми чѣмъ были, что винить онъ меня не винить, но видѣть не можетъ, потому что мой видъ причиняетъ ему слишкомъ сильную боль...

Окончивъ и запечатать письмо, я послалъ его въ Агафонику съ Семеномъ, надписавъ на конвертѣ, что прочтеніе *обязательно*, такъ какъ рѣчь идетъ въ первую очередь не о немъ и не обо мнѣ, но объ очень важномъ для него дѣлѣ.

Семень вернулся черезъ 2 часа и сообщилъ: «Письмо ихъ благородіе прочли, отвѣта, приказали передать, — не будетъ».

Все сразу почернѣло передъ глазами. Пронзительная боль горькою судорогой передернулась надъ душой. Что - то въ сердцѣ оборвалось, что-то другое упрямо и злобно взметнулось...

Вчера въ три часа дня я съ волненіемъ подъѣзжалъ къ полигону. До открытія стрѣльбы оставалось еще съ полчаса. Вышаго начальства еще не было, но большинство батарей было уже на мѣстахъ. Офицеры группами стояли и прохаживались около наблюдательной вѣшки. Какъ только наша батарея заняла свое мѣсто и раздалась команда «слѣзай», я спѣшно передалъ свою лошадь ѣздовому и пошелъ къ вышкѣ отыскивать Алешу. Зачѣмъ — я Тебѣ сказать не могу. Никакого плана у меня ни въ душѣ, ни въ головѣ не было. Никакого разговора я бы самъ съ Алексѣемъ не началъ, но мнѣ нужно было почему - то сейчасъ же убѣдиться, тутъ онъ, или нѣтъ. Я обошелъ всѣ группы, перездоровался со всѣми знакомыми, но Алексѣя не нашель: какая - то надежда погасла въ душѣ, вдругъ стало скучно... Я пошелъ искать его лошадь. Не успѣлъ я дойти до выстроенныхъ позади батарей зарядныхъ ящиковъ, какъ мнѣ бросилась въ глаза до мельчайшихъ подробностей съ первой встрѣчи запомнившаяся, большая, гнѣдая, бѣлоногая кобыла Алеши.

Подойдя къ водившему ее фейерверкеру, я спросилъ, не знаетъ ли онъ, гдѣ «ихъ благородіе». «А вотъ они», — указалъ онъ мнѣ на небольшой березовый кустъ, саженьхъ въ трехъ отъ меня. Я невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и вдругъ остановился отъ какой - то спазмы ужаса и удивленія въ сердцѣ! Передо мной лежалъ Алеша; но совсѣмъ не тотъ близкій, родной человѣкъ, что, полулежа на Твоемъ диванѣ, длинноволосый, жестикулирующій и весь какой - то растреланный, съ такою милою, дѣтскою улыбкой нервно и горячо бы-

вало спорилъ со мною, а совсѣмъ, совсѣмъ иной . . . Не Алеша лежалъ передо мной, а лежало подь кустомъ мертвое, чужое тѣло; самое же странное то, что лежало враждебное мнѣ, мужское тѣло Твоего мужа, Наташа . . . Обутыя, несмотря на двадцатиградусную жару, въ душные, смазные сапоги и широко, циркулемъ раскинутыя на скошенной травѣ ноги, протянутыя по швамъ и какъ - то неудобно вывернутыя ладонями кверху руки, синяя, наголо стриженная голова, небритая, жестокая, судорожная челюсть и мятая фуражка на разстегнутой груди . . .

Не думаю, чтобы Алеша спалъ, скорѣе, услышавъ мой голосъ, онъ рѣшилъ притвориться спящимъ . . . Не знаю, сколько времени стоялъ я глядя на него . . . Но все же не одну минуту прислушивался я къ какому - то совсѣмъ новому чувству въ себѣ . . . Нѣтъ, это была не ревность, это было совсѣмъ другое чувство страннаго оскорбленія за Тебя и какой - то неприязненной брезгливости . . . Чайная роза Твоего подвѣчнаго платья, облачная тайна Твоей монашеской фаты, хрустальный звонъ Твоей души, и это нескладное, запущенное, мертво распростертое тѣло ! . . .

Послѣ стрѣльбы начальство собрало все офицерство вокругъ себя. Офицеры нашего дивизиона стояли уже въ кольцо обреченныхъ генеральскому разносу, когда Алексѣй со своими только еще подходилъ къ вышкѣ подь руку съ Бржезинскимъ, который, очевидно, рассказывалъ ему что - то очень веселое и которому онъ широко улыбался своею плѣнительною, дѣтскою улыбкой. Какъ только ихъ группа встала противъ нашей, Алеша съ явною демонстраціей наклонился сначала къ уху Бржезинскаго, а затѣмъ вызывающе и странно посмотрѣлъ на меня: одновременно и въ упоръ и все же какъ на стѣну . . .

Нѣтъ, Наташа, я не ошибаюсь, взоръ этого значилъ, да и могъ значить только одно: «ты думалъ такъ просто поймать меня на удочку; ошибся, довольно — больше я тебѣ уже никогда и ни въ чемъ не повѣрю».

Что же это такое, Наташа, что за отчаяніе! Скажи, какъ могъ Алексѣй, зная меня, дойти въ своей ненависти до того, чтобы подумать, что я ни съ того, ни съ сего, обвиню человѣка

въ шпионствѣ, чтобы создать себѣ поводъ для желательнаго мнѣ письма. Вѣдь это болѣе, чѣмъ только чудовищно, это безуміе, Наташа, это полное помѣшательство! Или и это по Твоему объяснимо тою ревностью, тою черною кровью, которую Вы, женщины, почему - то всегда защищаете, какъ священную тѣнь любви?

Когда кончился разборъ стрѣльбы и командиръ отпустилъ насъ по домамъ, я сѣлъ на свою ракету и въ тяжелыхъ мысляхъ шагомъ поѣхалъ къ Сельцамъ. Мысль, что я несмотря на всѣ свои усилія никакъ не могу сообщить себя человѣку, который еще два мѣсяца тому назадъ считалъ меня не только самымъ близкимъ своимъ другомъ, но чуть ли ни самымъ лучшимъ существомъ въ мірѣ, не могу только потому, что Богъ привелъ мнѣ полюбить его жену, никакъ не укладывалась ни въ умъ, ни въ сердцѣ. «Ну, что же, быть можетъ я люблю Тебя больше ея, бери же ее, если любишь, какъ я», при этомъ свѣтлое, почти святое лицо . . . и вдругъ — совершенно дикій конецъ: — не хочу знать, не хочу разговаривать, довольно, не обманешь! . . . Ну, скажи мнѣ Наташа, вѣдь Ты лучше меня знаешь Алексѣя, если бы я рассказалъ ему годъ тому назадъ нашъ съ Тобою романъ, перемѣнивъ имена героевъ, развѣ бы онъ не былъ всецѣло на нашей сторонѣ, развѣ не нашелъ бы своихъ, какъ всегда изощреннѣйшихъ словъ для защиты моей «артистической этики», для возвеличенія Твоего многосложнаго образа? Нашелъ бы, увѣряю Тебя, что нашелъ бы. Да, наконецъ, вѣдь онъ же убѣжденный социалистъ, страстный проповѣдникъ женской свободы и свободной любви. Откуда же такой безконтрольный безудержъ въ отрицаніи всѣхъ своихъ убѣжденій и вѣрованій? Откуда же такое изступленіе въ тихомъ, обывательскомъ тупичкѣ? Ты знаешь, я увѣренъ, онъ и подбородокъ - то пересталъ брить только оттого, что ему ^впостылѣла моя актерская, лицемѣрная, европейская бритость.

Какой ужасъ, Наташа, какой срывъ и провалъ. Но самое страшное то, какъ все вчера кончилось. Только не пугайся, родная, ничего страшнаго не произошло, а случилась какая - то совершенно дикая, стыдная, нелѣпость.

Я ѣхаль шагомъ, куря, отдавъ лошади поводья. Вдругъ сзади меня раздался топотъ крупнаго галопа. Не успѣлъ я оглянуться, какъ Алеша поровнялся со мной и пронесся мимо. Тутъ моя Ракета внезапно вырвалась и въ два прыжка настигла Алешину лошадь. Въ ту же секунду, какъ я хотѣлъ задержать ракету, Алеша, оглянувшись черезъ плечо, два раза вытянулъ нагайкой свою бѣлоногую кобылу и карьеромъ понесся впередъ. Тутъ во мнѣ что-то взвилось... Что-то отъ лютыхъ, охотничьихъ инстинктовъ отца, отъ кровнаго сердца «Ракеты», отъ своего собственнаго: къ чорту тонкость и психологию, я стиснулъ когѣна и зубы, выбросилъ тѣло и руки впередъ и вихремъ, какъ мимо столба пронесся мимо Алешинаго казеннаго плебея...

За версту до Агафонихи, когда я уже снова ѣхаль шагомъ, Алексѣй зачѣмъ-то вторично обогналъ меня мелкой рысью. Его лицо было искажено злобой, правая рука все еще судорожно сжимала нагайку. Лошадь была вся въ мыль; очевидно ей серьезно досталось за ея тучную кровь и спеленутыя, мохнатые ноги. Цѣлую версту я ѣхаль позади Алеши, саженьяхъ въ двухъ, трехъ отъ него. Стыдъ, лютый стыдъ за пошлый символизмъ сорвавшейся сцены раскаленнымъ желѣзомъ жегъ душу. Минутами вдругъ казалось: такъ просто поровняться и окликнуть... Несмотря на эти ощущенія, весь прожитой день мертвой стѣной уже прочно стоялъ между нами, и въ глубинѣ своей сердце уже твердо знало: пока что, все, если и не навсегда, то все же надолго кончено...

Показались Сельцы. Свернувъ съ дороги я какъ всегда поѣхаль скошенными, крестьянскими усадьбами, отгороженными другъ отъ друга изгородями въ двѣ, три слеги. Взволнованная скачкой «Ракета» слегка горячилась, но брала всѣ препятствія, вплоть до высокаго сѣннаго вала изумительно чисто и четко. Подѣхавъ къ конюшнѣ и передавъ ее вѣстовому я, несмотря на доставленныя мнѣ ею угрызенія совѣсти, не безъ благодарности потрепалъ ея ганашистую шею.

Семень уже давно ждалъ меня. Въ третій разъ подогрѣтый самоваръ уютно кипѣлъ на столѣ въ палисадникѣ. Хлѣбъ,

масло, вишни и заложенный карандашомъ томъ разказовъ Вольтера, все было приготовлено тщательно и заботливо. Навпившись чаю, я удобно усѣлся въ камышовое кресло, закурилъ папиросу и, спустивъ въ душѣ желѣзный занавѣсъ надъ всѣми событіями дня, надъ его ужаснымъ, оскорбительнымъ, конечно — не только въ спокойномъ, но почти что хорошемъ настроеніи, приятно чувствуя во всемъ тѣлѣ легкую усталость, съ удовольствіемъ принялся за «Вавилонскую принцессу». Такъ я просидѣлъ вплоть до поздняго вечера.

Наташа, милая, всѣмъ существомъ своимъ чувствую я, какую горькую боль причинить Тебѣ это письмо и въ особенности описаніе вчерашняго вечера. Чувствую я и то, что, схоронивъ въ душѣ такую любовь и такую надежду какъ Алексѣй, быстро перейти къ очереднымъ дѣламъ: усѣсться въ кресло, закурить папиросу и утѣшиться вишнями и «принцессой», не то большая пошлость, не то большая жестокость. Но что же мнѣ дѣлать, родная? Каковъ есть, такимъ и умру. Тутъ — моя основная черта: пока вѣрю въ побѣду, всѣми средствами борюсь противъ врага, но побѣжденный, сразу же, съ инстинктивною жаждою самосохраненія, сосредоточиваю всѣ силы на желаніи забыть проигранную борьбу и побѣдившаго врага. Бой за Алешу мною проигранъ; проигранъ потому, что его «черная кровь» убила въ его душѣ всѣхъ моихъ союзниковъ: любовь ко мнѣ въ его сердцѣ сейчасъ такъ же мертва, какъ мои мысли мертвы въ его головѣ. Для меня онъ сейчасъ непобѣдимъ. Пусть его потому для меня просто не будетъ. Но, конечно, я извергаю изъ своей души лишь бритоголоваго и мѣднокраснаго прапорщика, квартирующаго въ Агафонихѣ у Афимьи кривой; съ Алексѣемъ же я не расстаюсь. Память о немъ я свято схороню въ своей душѣ и въ чудо воскресенія нашей любви никогда не перестану вѣрить.

Быть можетъ, Наташа, все это покажется Тебѣ странно элементарнымъ и мало понятнымъ во мнѣ, повинномъ скорѣе въ разъядающей сложности переживаній, чѣмъ въ элементарномъ жизненномъ здоровѣи.

Но видишь ли, страстно любя всяческую сложность жизни, я

очень не люблю осложненій мѣшающихъ мнѣ жить. Тутъ во мнѣ дѣйствительно есть какая-то освобождающая жестокость.

Ну, кончаю, родная. Нѣжно цѣлую Тебя и прошу простить всѣ мои недобрый, темныя чувства.

Твой Николай.

Сельцы, 28-го іюля 1911 г.

Не знаю, моя родная, за что, но только судьба злостно преслѣдуетъ мое самое нѣжное чувство. Напряженность, съ которой я ожидаю Твоихъ писемъ, составила мнѣ въ дивизионѣ, какъ это ни странно, репутацію страшнаго чревоугодника. Дѣло въ томъ, что почта не разносится у насъ по домамъ, а складывается къ обѣду по приборамъ. Не ясно ли, что я прихожу въ собраніе первымъ, чтобы какъ можно раньше получить Твое письмо. Однако мысль, что такое мое предобѣденное волненіе можетъ относиться не къ буфету, а къ почтовому конверту, для здѣшней публики, конечно, совершенно недопустима; въ результатѣ чего я и прозванъ Петромъ Петровичемъ Пѣтухомъ.

На эту ироническую шутку судьбы я, впрочемъ, не въ претензіи. Горше то, что въ моемъ распоряженіи только одно средство преодолѣть волненіе ожиданія Твоихъ писемъ: цѣлыми днями писать Тебѣ! Согласись сама, развѣ это справедливо со стороны судьбы? — Вознаграждать Тебя за Твое молчаніе письмами и казнить меня за мои письма Твоимъ молчаніемъ! Дорогая, умоляю, пиши же почаще! Сегодня уже десятый день съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ Твое послѣднее письмо. Знаешь, если бы Ты была согласно моей классификаціи женщина «интересная», а не «значительная», я рѣшительно заподозрилъ бы Тебя, что Ты стилизуешься подъ «значительную» и ставишь Твою переписку со мной подъ мистическій знакъ знаменитой Тютчевской строфы:

«Какъ сердцу высказать себя?

«Другому какъ понять тебя?

«Взрывая возмутишь ключи,

«Питайся ими и молчи!..»

Все это безконечно вѣрно, Наташа, но къ счастью только для философовъ и поэтовъ, но не для влюбленныхъ. Вѣдь мнѣ нужны не чувства Твои и не мысли: онѣ и такъ всегда со мною! А бумага, которая лежала у Тебя подъ руками, конвертъ, который при помощи мизинца правой руки заклеили Твои уста, почеркъ Твой, правда не очень красивый, но четкій, напоминающій факсимиле Тургенева, и онтологическій запахъ Твоихъ духовъ... Но ради Бога, не сдѣлай только изъ всего сказаннаго послѣдняго вывода, и не вздумай прислать вмѣсто письма надушенную страницу Тургеневской повѣсти, переписанную на Твоей честной, простой бумагѣ и вложенную въ Твой постоянный, узкій конвертъ.

Уже половина перваго, Наташа, спѣшу въ собраніе. Вѣроятно почта уже разсортирована и разложена по приборамъ. Думаю, что мои игривыя соображенія на грустную тему о Твоемъ долгомъ молчаніи родились во мнѣ въ предчувствіи того, что сегодня я обязательно получу Твое письмо. За милыя строки его заранѣе цѣлую Твои тихія руки. Сегодня вечеромъ послѣ занятій буду продолжать письмо. Насчетъ Алешиной «агитации» не безпокойся, родная. Она оказалась довольно безвредной. Бржезинскій установилъ только, что Алеша безъ разрѣшенія командира (очевидно не зная, что такое требуется) давалъ солдатамъ книжки, въ числѣ ихъ Горькаго и Толстого. Командиръ, сдѣлавъ ему выговоръ, кажется успокоился, хотя наблюденія за нимъ пока что не отмѣнилъ...

... Какъ только вошелъ въ собраніе, увидѣлъ у своего прибора письмо. Но... не отъ Тебя, какъ ждалъ, а совершенно неожиданно отъ Марины.

Несмотря на разочарованіе, съ которымъ разорвалъ конвертъ, я прочелъ вложенные въ него листки съ большимъ интересомъ. Очень своеобразный, хотя нѣсколько литературный и современный языкъ, гибкая, богато вѣтвящаяся мысль и много какого-то подводнаго рельефа въ настроеніи, чувствѣ и во всемъ письмѣ.

Больше всего Марина пишетъ о Танѣ. Недѣли за двѣ до Таниной смерти между ними былъ, оказывается, очень странный,

и со стороны Тани, во всякомъ случаѣ, предѣльно искренній разговоръ. Марина касается его сдержанно и глухо, но мнѣ все ясно. Очевидно Таня на большомъ нервномъ подъѣмѣ много, но какъ всегда темно и нѣсколько хаотично рассказывала Маринѣ о моихъ взглядахъ на жизнь и любовь. Марина пишетъ, что, несмотря на ея сияющее лицо и радостное признание въ своемъ «незаслуженномъ» счастьѣ, на нее было грустно и больно смотрѣть, и не потому только, что она съ почти болѣзненнымъ упорствомъ высказывала свою боязнь оказаться не на высотѣ моихъ взглядовъ на бракъ, но потому, что она не осознавала уже зародившейся въ ея сердцѣ тревожной боязни, что я окажусь не на высотѣ ея безконечной любви.

Покойный Борисъ — вотъ человѣкъ, который по мнѣнью Марины могъ бы составить Танино счастье. Любя ее не для себя, но прежде всего для нея самой, онъ, успокоивъ и выльчицъ, крѣпко и просто поставилъ бы ее въ жизни какъ мать и жену. Онъ — да, но не я, для котораго ея «смертельная болѣзнь очевидно была все-таки ея живымъ обаянiемъ» и «ея разстроенные нервы интересно диссонирующими струнами». Если бы Таня и не умерла, она стала бы глубоко несчастной, такъ какъ рано или поздно я, по мнѣнью Марины, все равно ушелъ бы отъ нея.

Все это «выяснилось, правильнѣе почувствовалось, или, быть можетъ, только показалось» ей, Маринѣ, послѣ долгихъ раздумий надъ моимъ послѣднимъ пребыванiемъ у нея въ Вильнѣ, пребыванiемъ, о которомъ она вспоминаетъ въ своемъ письмѣ какъ — то очень/осложненно: скорбно, понти покаянно, но одновременно и покорно какой — то проснувшейся въ ней мечтѣ...

Не знаю, Наташа, можетъ быть я очень ошибаюсь, но мнѣ почему — то кажется, что рѣшенiе Марины переѣхать съ Сережей къ зимѣ въ Москву чѣмъ — то связано съ тѣмъ, какъ мы возвращались съ кладбища, какъ сидѣли и говорили у печки, однимъ словомъ съ той, все еще звучащей и въ моихъ ушахъ, мелодiей, о которой я писалъ Тебѣ изъ Вильны.

Переѣздъ въ Москву для Марины вещь и душевно и практически, конечно, не легкая и не простая, и я очень потому со-

мнѣваюсь, чтобы онъ дѣйствительно состоялся. Но, во всякомъ случаѣ, она черезъ недѣлю на нѣсколько дней прїѣзжаетъ въ Москву, чтобы осмотрѣться, подать прошеніе о зачисленіи Сережи въ университетъ и прїискать квартиру. Во всемъ этомъ она, совсѣмъ не знающая Москвы, очень проситъ меня оказать ей посильную помощь. Просьбой этой я въ настоящее время крайне затрудненъ, такъ какъ изъ лагеря никакой отпускъ, конечно, невозможенъ. Все, что я могу сдѣлать, это съѣздить на одно воскресенье въ Москву, представить Маринѣ Павла Васильевича и попросить его замѣнить меня. У него очень широкое знакомство, хорошій мѣсячный извозчикъ, и онъ большой донъ - Жуанъ. При наличіи этихъ особенностей своей личности, онъ сдѣлаетъ для Марины больше, чѣмъ сдѣлалъ бы я.

Тебѣ и Алешѣ Марина шлетъ привѣтъ, пишетъ, что она очень рада предстоящему знакомству съ Тобой, о которой много слышала отъ Тани и Алеши. Могу себѣ представить, какъ она будетъ поражена всѣмъ происшедшимъ! Пока кончаю, родная. Съ послѣднею тоскою жду Твоего письма. Цѣлую

Твой Николай.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поповка 1921 г. — 1922 г.

Федоръ Степунъ.